

Камю Альбер Калигула filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Альбер Камю

Калигула

Пьеса в четырех действиях*

Моим друзьям по театру ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Калигула

Цезония

Геликон

Сципион

Керея

Сенектий – старший патриций

Метелий – патриций

Лепидий – патриций

Октавий – патриций

Патрициан – правитель

Мерея

Муций

Первый страж

Второй страж

Первый слуга

Второй слуга

Третий слуга

Жена Муция

Шесть поэтов

Действие происходит во дворце Калигулы.

Между первым и вторым действиями проходит три года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена первая

Несколько патрициев, один из которых довольно стар, собрались в зале дворца. Они явно волнуются.

Первый патриций. Опять ничего.

Старый патриций. Утром ничего, и вечером то же самое.

Второй патриций. Вот уже три дня – ничего.

Старый патриций. Гонцы отправляются. Гонцы приходят обратно. Они качают головой и говорят: "Ничего".

Второй патриций. Мы всё обыскали. Больше нечего предпринять.

Первый патриций. Зачем волноваться раньше времени? Подождем. Быть может, он вернется – как ушел.

Старый патриций. Я видел, как он выходил из дворца. У него был странный взгляд.

Первый патриций. Я тоже был там; я спросил его, что с ним.

Второй патриций. Он ответил?

Первый патриций. Только одно слово: "Ничего".

Пауза. Входит Геликон, жуя лук.

Второй патриций (по-прежнему нервничая). Это не к добру.

Первый патриций. В конце концов, в его годы это обычное дело.

Старый патриций. Конечно. С возрастом это проходит.

Второй патриций. Вы думаете?

Первый патриций. Будем надеяться, он забудет.

Старый патриций. Конечно. Одну потерял – десять найдешь.

Геликон. С чего вы взяли, что дело в любви?

Первый патриций. В чем же еще?

Геликон. Может быть, у него разболелась печень. Или ему просто опротивело созерцать каждый день ваши постные рожи. Своих близких легче переваривать малыми дозами. И это блюдо к тому же не подсолишь.

Старый патриций. Я предпочитаю думать, что все дело в любви. Это так трогает!

Геликон. И заодно успокаивает. Любовь – болезнь такого сорта, что не щадит ни мудрецов, ни идиотов.

Первый патриций. К счастью, печаль рано или поздно проходит... Вы способны страдать больше года?

Второй патриций. Я? нет.

Первый патриций. Этого никто не может.

Старый патриций. Жизнь была бы непереносима.

Первый патриций. Вы совершенно правы. Год назад моя жена умерла. Я много плакал, но потом я ее забыл. Иногда мне бывает больно. Но в общем все ничего.

Старый патриций. Природа действует разумно.

Геликон. Все же когда я смотрю на вас, мне кажется, что ей это не всегда удается.

Входит Керея.

Первый патриций. Ну что?

Керея. По-прежнему ничего.

Геликон. Спокойствие, господа, спокойствие. Будем соблюдать приличия. Римская империя – это мы. Если мы потеряем лицо, империя потеряет голову. Сейчас не время паниковать! Для начала давайте позавтракаем. И империи сразу полегчает.

Старый патриций. Что правда, то правда. Синица в руках лучше, чем журавль в небе.

Керея. Не нравится мне все это. До сих пор все шло слишком хорошо. Это был идеальный император.

Второй патриций. Он был именно таким, каким надлежит быть императору: неопытным и щепетильным.

Первый патриций. Почему, собственно, "был"? Ничто не мешает ему продолжать в том же духе. Конечно, он любил Друзиллу. Но ведь она была его сестрой. Спать с ней – уже было слишком. Но перевернуть Рим из-за того, что она умерла вообще переходит всяческие границы.

Керея. И тем не менее мне это не по душе. И его бегство не объясняет ничего.

Старый патриций. Да, дыма без огня не бывает.

Первый патриций. Во всяком случае, интересы государства не терпят кровосмешений. Тем более таких, которые оборачиваются трагедией. Пусть кровосмешение. Но тайно.

Геликон. Кровосмешение неизбежно вызывает шум. Кровать скрипит – если можно так выразиться. Впрочем, с чего вы взяли, что все дело в Друзилле?

Второй патриций. В чем же еще?

Геликон. А вы угадайте. И заметьте себе, несчастье подобно женитьбе. Думаешь, что выбираешь, а оказывается, выбрали тебя. Это так, тут ничего не поделаешь. Наш Калигула несчастен, но, может быть, и сам не знает почему. Он просто почувствовал себя прижатым к стене. И тогда он бежал. На его месте мы сделали бы то же. Говорю вам, если бы я мог выбирать себе отца, я бы не родился.

Входит Сципион.

Сцена вторая

Керея. Ну что?

Сципион. Пока ничего. Крестьяне уверяют, что видели его прошлой ночью неподалеку отсюда, во время грозы. Он бежал сквозь дождь.

Керея вновь подходит к сенаторам. Сципион следует за ним.

Керея. Это длится уже дня три, Сципион?

Сципион. Да. Я, как обычно, был при нем. Он приблизился к телу Друзиллы; коснулся его двумя пальцами. Казалось, он задумался. Потом он повернулся и вышел ровным шагом. С тех пор его ищут.

Керея (качая головой). Этот мальчик слишком любил литературу.

Второй патриций. Что ж, в таком возрасте...

Керея. Но это не соответствует его происхождению. Императору нельзя быть поэтом. Конечно, два-три таких у нас уже было. Но паршивые овцы в любом стаде найдутся. Однако прочим хватило вкуса оставаться государственными мужами.

Первый патриций. Так спокойней.

Старый патриций. Пусть каждый делает свое дело.

Сципион. Что можно предпринять, Керея?

Керея. Ничего.

Второй патриций. Подождем. Если он не вернется, заменим его. Между нами говоря, недостатка в императорах нет.

Первый патриций. Да, императоров хватает. А вот личностей не найти.

Керея. А если он вернется с дурными намерениями?

Первый патриций. О боги! Это еще ребенок. Мы заставим его слушать голос рассудка.

Керея. А если он окажется глух к увещеваниям?

Первый патриций (смеется). Ну что ж! Не я ли писал в свое время трактат о государственных переворотах!

Керея. Да, если переворот потребуется... Но я бы все-таки предпочел, чтобы меня оставили в покое - наедине с моими книгами.

Сципион. Прошу меня извинить.

Выходит.

Керея. Сципион явно смущился.

Старый патриций. Он тоже ребенок. А дети всегда заодно.

Геликон. Рано или поздно они становятся взрослыми.

Появляется Страж: "Во дворцовом саду видели Калигулу". Все выходят.

Сцена третья

Некоторое время сцена остается пустой. Слева, крадучись, входит Калигула. Взгляд его блуждает, волосы промокли, ноги в грязи. Несколько раз он подносит руку к рту. Приближается к зеркалу и, заметив свое отражение, останавливается. Произносит несколько неразборчивых слов. Потом садится с правой стороны сцены, свесив руки между расставленных колен. Слева входит Геликон. Заметив Калигулу, останавливается на краю сцены и молча на него глядит. Калигула оборачивается и видит Геликона. Пауза.

Сцена четвертая

Геликон (не двигаясь с места). Здравствуй, Кай.

Калигула (просто). Здравствуй, Геликон.

Молчание.

Геликон. Ты как будто устал?

Калигула. Я много ходил.

Геликон. Да, тебя долго не было.

Молчание.

Калигула. Это было трудно найти.

Геликон. Что именно?

Калигула. То, что я хотел.

Геликон. Что же ты хотел?

Калигула (так же просто). Луну.

Геликон. Что?

Калигула. Я хотел луну.

Геликон. А.

Молчание. Геликон подходит к Калигуле.

Зачем она тебе?

Калигула. Зачем? Это одна из тех вещей, которых у меня нет.

Геликон. Само собой. А теперь что ж – все в порядке?

Калигула. Нет. Я не смог овладеть ею.

Геликон. Это печально.

Калигула. Да, и именно из-за этого я так устал.

Пауза.

Калигула. Геликон!

Геликон. Да, кай.

Калигула. Ты думаешь, что я сумасшедший.

Геликон. Ты же знаешь, я никогда не думаю. Для этого я слишком умен.

Калигула. Да. И все же. Но я не сумасшедший, более того, я никогда не был так разумен, как сейчас. Просто я вдруг почувствовал потребность в невозможном. (Пауза.) Вещи, такие, как они есть, не устраивают меня.

Геликон. Это довольно распространенная точка зрения.

Калигула. Верно. Но я не знал этого раньше. Теперь знаю. (Так же просто.) Этот мир, такой, как он есть, невыносим. Следовательно, мне нужна луна, или счастье, или бессмертие, что угодно, пусть даже безумие – но не от мира сего.

Геликон. Этот принцип хорош сам по себе. Но ему невозможно следовать до конца.

Калигула. Ты ничего не знаешь об этом. Потому что еще никому и никогда не удавалось быть последовательным в чем-либо. Но может быть, просто достаточно до конца оставаться логичным.

Смотрит на Геликона.

Я знаю, что ты думаешь. Столько шума из-за смерти одной женщины. Не в этом дело.

Камю Альбер Калигула filosoff.org

Правда, несколько дней я не мог отвязаться от мысли, что женщина, которую я любил, мертва. Но что такое любовь? Такая малость! И эта смерть ничто, уверяю тебя. Она только знак некой правды, которая делает луну необходимой. Эта правда совсем простая и совсем ясная, немного глупая, но ее трудно открыть и тяжело выдержать.

Геликон. И что ж это за правда, Кай?

Калигула (отвернувшись, равнодушно). Люди умирают и они несчастны.

Геликон (после паузы). Ну, Кай, с этой правдой они научились ладить. Погляди вокруг. Она не портит им аппетита.

Калигула (неожиданно взорвавшись). Так вот, всё вокруг меня ложь, а я, я хочу жить только в правде. И у меня как раз есть средство заставить их жить в правде. Ибо я знаю, чего им не достает, Геликон. Они лишены понимания, и им не достает учителя, который бы знал, что он говорит.

Геликон. Не обижайся, Кай. Но вначале ты должен отдохнуть.

Калигула (кротко). Это невозможно, Геликон. Это никогда больше не будет возможно.

Геликон. Почему же?

Калигула. Если я буду спать, кто мне даст луну?

Геликон (после паузы). В самом деле.

Калигула с видимым усилием встает.

Калигула. Геликон! Я слышу шаги и шум голосов. Молчи и забудь, что только что видел меня.

Геликон. Я тебя понял.

Калигула направляется к выходу. У самых дверей оборачивается.

Калигула. И пожалуйста, помогай мне отныне.

Геликон. У меня нет причин не делать этого, Кай. Но я знаю многое, и меня мало что интересует. В чем я могу тебе помочь?

Калигула. В невозможном.

Геликон. Я буду стараться.

Калигула выходит. Быстро входят Сципион и Цезония.

Сцена пятая

Сципион. Никого нет. Ты не видел его, Геликон?

Геликон. Нет.

Цезония. Геликон, он действительно ничего не сказал тебе перед тем как скрыться?

Геликон. Я не являюсь его доверенным лицом. Я лишь зритель. Это разумней.

Цезония. Умоляю тебя!

Геликон. Дорогая Цезония, Кай идеалист, это известно каждому. Другими словами, он еще не все понял. Я понял все и поэтому не занимаюсь ничем. Но если Кай начнет понимать, он, напротив, со своим добрым сердечком способен заняться всем. И один бог знает, чего нам это будет стоить. Кстати, время обедать.

Уходит.

Сцена шестая

Цезония устало садится.

Цезония. Страж видел, как он прошел. Но весь Рим видит Калигулу повсюду. А Калигула не видит ничего. Он занят одной только мыслью.

Сципион. Какой?

Цезония. Откуда я знаю, Сципион?

Сципион. Друзилла?

Цезония. Кто на это ответит! Он действительно ее любил. Ужасно видеть, как умирает та, которую вчера еще сжимал в объятиях.

Сципион (неуверенно). А ты?

Цезония. О! я давняя его любовница.

Сципион. Цезония, нужно его спасти.

Цезония. Так ты его любишь?

Сципион. Люблю. Он был добр ко мне. Он многому меня научил. Некоторые его фразы я помню наизусть. Он говорил мне, что жизнь нелегка, но что есть религия, искусство, любовь, которые поддерживают нас. Единственное заблуждение, говорил он, -заставлять людей страдать. Он хотел быть справедливым.

Цезония (поднимаясь). Он был слишком молод.

Подходит к зеркалу и глядит на себя.

У меня никогда не было иного бога, кроме моего тела. И этого бога молю сегодня, чтобы он заставил Кая подчиниться мне.

Входит Калигула. Увидев Цезонию и Сципиона, колеблется и делает несколько шагов назад. В то же мгновение с противоположной стороны входят патриции и управитель дворца. Останавливаются озадаченные. Цезония оборачивается. Она и Сципион бросаются к Калигуле. Калигула останавливает их движением руки.

Сцена седьмая

Управитель (неуверенно). Мы... мы искали тебя, Цезарь.

Калигула (отрывисто, изменившимся голосом). Вижу.

Управитель. Мы... то есть...

Калигула (грубо). Чего вам надо?

Управитель. Мы беспокоились, Цезарь.

Калигула (приближаясь к нему). По какому праву?

Управитель. Э-э... гм... (Внезапно одушевившись, быстро.) В конце концов ты же знаешь, что должен решить несколько вопросов, касающихся публичной казны.

Калигула (неудержимо смеясь). Казна? да уж, в самом деле, казна - это капитально.

Управитель. Да, Цезарь.

Калигула (смеясь по-прежнему, Цезонии). Не правда ли, дорогая, казна – это очень важно.

Цезония. Нет, Калигула, это второстепенный вопрос.

Калигула. Ты в этом ничего не понимаешь. Казна есть весьма могущественный фактор. Важно все: финансы, нравственность, внешняя политика, снабжение армии и аграрные законы. Говорю тебе, все это очень важно. Все имеет равное значение – величие Рима и приступ артрита. О! Я займусь этим всем. Послушай-ка, Управитель.

Управитель. Мы тебя слушаем.

Патриции приближаются.

Калигула. Ты мне верен, не так ли?

Управитель (с упреком). Цезарь!

Калигула. Ладно. Я хочу предложить тебе план. Мы с тобой в два счета перевернем политэкономию. Я тебе все растолкую... когда патриции уйдут.

Патриции уходят.

Сцена восьмая

Калигула садится у ног Цезонии.

Калигула. Теперь слушай. Во-первых: все патриции, все граждане Империи, располагающие какими-либо средствами – не важно, большими или малыми, это все равно, – обязаны лишить своих детей наследства, завещав все государству.

Управитель. Но, Цезарь...

Калигула. Я еще не давал тебе слова. Исходя из наших нужд, мы будем этих людей казнить в порядке свободного списка. В нужном случае этот список можно будет изменять – как нам заблагорассудится. И мы унаследуем все эти средства.

Цезония (высвобождаясь). Что это ты выдумал?

Калигула (невозмутимо). Порядок казней на самом деле не имеет никакого значения. Или, скорей, эти казни имеют равное значение, из чего вытекает, что значения они не имеют. Кстати, все виновны в одинаковой степени. И к тому же заметьте, что ничуть не более безнравственно обворовывать граждан открыто, нежели исподтишка, увеличивая косвенный налог на продукты, без которых они не смогут обойтись. Править – значит воровать, все знают это. Но можно это делать разными способами. Лично я хочу воровать открыто. Я сравняю вас с чернью! (Управителю, сурово.) Ты будешь исполнять приказы без промедления. Граждане Рима подпишут завещания сегодня же вечером, а жители провинций – в течение месяца. Разошли гонцов.

Управитель. Цезарь, ты не отдаешь себе отчета в том, что...

Калигула. Слушай хорошенько, идиот. Если казна что-либо значит, человеческая жизнь не значит ничего. Это очевидно. Все, кто рассуждает подобно тебе, должны принять этот довод и согласиться, что их жизнь ничего не значит, потому что деньги для них значат все. Я решил следовать логике, а так как я имею власть, вы увидите, чего вам эта логика будет стоить. Если понадобится, я начну с тебя.

Управитель. Цезарь, пусть моя готовность не вызывает у тебя сомнений...

Калигула. А моя – у тебя. И вот доказательство: я согласен принять твою точку зрения и сделать публичную казну предметом своих раздумий. И еще скажи спасибо, что я, войдя в твою игру, играю твоими картами. (После паузы, спокойно.) Мой план благодаря своей простоте гениален, что пресекает всякие возражения. У тебя

Камю Альбер Калигула filosoff.org
три секунды, чтобы исчезнуть. Считаю: раз...

Управитель исчезает.

Сцена девятая

Цезония. Кажется, я тебя плохо знала. Надеюсь, это шутка?

Калигула. Не совсем, Цезония. Скорее – педагогика.

Цезония. Это невозможно, Кай!

Калигула. Именно.

Цезония. Я тебя не понимаю.

Калигула. Речь идет именно о невозможном или, точнее, о том, чтобы сделать невозможное возможным.

Сципион. Твоя игра переходит всяческие границы. Это развлечение сумасшедшего.

Калигула. Нет, Сципион. Это свойство всякого императора. (Устало отворачивается.) Я понял наконец, в чем польза власти. Она дает шанс достичь невозможное. Начиная с сегодняшнего дня свобода больше не имеет границ.

Цезония (печально). Не знаю, следует ли радоваться этому, Кай.

Калигула. Я тем более не знаю. Но полагаю, что этим следует жить.

Входит Керея.

Сцена десятая

Керея. Я узнал о твоем возвращении. Желаю тебе здравствовать.

Калигула. Мое здоровье признательно тебе. (После паузы, внезапно.) Убирайся, Керея. Я не хочу тебя видеть.

Керея. Я удивлен, Кай.

Калигула. Нечего удивляться. Я не люблю литераторов и не терплю их вранья. Они говорят для того, чтобы не слышать себя. Если бы они себя послушали, они бы поняли, что ничего не знают, и не смогли бы больше говорить. Ступай и помни: я ненавижу лживые показания.

Керея. Если мы лжем, то часто невольно. Я защищаюсь, хотя невиновен.

Калигула. Ложь никогда не бывает невинной. А ваша ложь приписывает смысл вещам и людям. Вот что я не могу вам простить.

Керея. И все же нужно приводить аргументы в пользу этого мира, если хочешь жить в нем.

Калигула. Не стоит усилий, случай очевидный. В этом мире нет смысла, и тот, кто узнает это, обретет свободу. (Поднимается.) Я ненавижу вас именно потому, что вы несвободны. Во всей Римской империи свободен один я. Радуйтесь, к вам наконец пришел император, который научит вас свободе. Убирайся, Керея, и ты, Сципион. Дружба смешна мне. Идите, объявите Риму, что он получил наконец свободу, и с ней начинаются великие испытания.

Калигула отворачивается. Керея и Сципион уходят.

Сцена одиннадцатая

Цезония. Ты плачешь?

Калигула. Да, Цезония.

Цезония. Но в конце концов, что изменилось? Ты любил Друзиллу – но и мы все любили ее. Неужели из-за этой любви ты не находишь покоя уже три дня? Неужели она преследует тебя все время, и из-за нее вернулся ты сюда с ненавистью в сердце?

Калигула (обворачивается). Да кто говорит о Друзилле, дура? Ты не можешь вообразить, что человек способен плакать не только от любви.

Цезония. Прости, Кай. Я стараюсь тебя понять.

Калигула. Люди плачут потому, что вещи не такие, какими должны быть. (Она подходит к нему.) Довольно об этом, Цезония. (Она отступает.) Останься со мной.

Цезония. Я сделаю так, как ты захочешь. (Садится рядом с ним.) В моем возрасте знаешь, что в жизни много плохого. Но если зло уже существует на земле, зачем его умножать?

Калигула. Тебе не понять этого. Не все ли равно? Может быть, мне удастся разобраться в этом. Но я чувствую, что во мне происходит нечто, не имеющее названия. Что я могу поделать? (Поворачивается к ней.) О, Цезония! Я знал, что можно впасть в отчаяние, но я не знал, что такое отчаяние. Я думал, как и все, что это болезнь души. Но нет: страдает тело. Кожа горит, давит грудь, ломит руки и ноги. Тошнит, голова пуста. И самое страшное – вкус во рту. Не кровь, не смерть, не лихорадка – всё сразу. Достаточно мне пошевелить языком, и все станет черным и люди отвратительны. Это жестоко, это горько – становиться человеком.

Цезония. Тебе нужно спать, долго спать. Расслабиться и больше не думать. Я буду хранить твой сон. Когда ты проснешься, мир для тебя обретет свой прежний вкус. Воспользуйся своей властью, чтобы любить то, что еще достойно любви. Нужно испытать все возможное.

Калигула. Но ведь тогда нужно спать, нужно забыться. А это невозможно.

Цезония. Так кажется, когда слишком устал. Приходит время и нужно вновь обретать твердость духа.

Калигула. Но следует знать, для чего она, эта твердость духа. Зачем мне такая странная власть, если я не могу изменить порядок вещей, если я не могу заставить солнце садиться на востоке, не могу уменьшить страдание и сделать так, чтобы люди больше не умирали. Нет, Цезония: не имеет значения – спать или бодрствовать, когда не можешь влиять на порядок в этом мире.

Цезония. Это все равно, что хотеть сравняться с богами. Не видела большего безумия.

Калигула. Ты тоже считаешь меня сумасшедшим. Но кто такой бог, чтобы я хотел равняться с ним? То, чего желаю я сегодня изо всех моих сил – выше любых богов. Я установлю царство, в котором будет править невозможное.

Цезония. Ты не можешь сделать так, чтобы небо перестало быть небом, красавец стал уродом, а человеческое сердце сделалось бесчувственным.

Калигула (с возрастающим возбуждением). Я хочу смешать небо с землей, слить красоту с уродством, заставить смеяться под пыткой!

Цезония (с мольбой). Есть добро и зло, великое и низкое, справедливое и несправедливое. Клянусь тебе, все это не изменить.

Камю Альбер Калигула filosoff.org

Калигула (по-прежнему). Но я хочу изменить. Я дарую этому веку равенство. И когда все будет исполнено, невозможное – на земле, луна – у меня в руках, тогда, может быть, изменюсь и я сам, а вместе со мною мир. Тогда, наконец, люди перестанут умирать и будут счастливы.

Цезония (кричит). Ты не можешь ненавидеть любовь!

Калигула (взрываясь, с яростью). Любовь, Цезония? (Хватает ее за плечи, трясет.) Я понял: любовь – ничто. Публичная казна превыше всего. Все остальное – потом! Запомни это хорошенько! О, только сейчас я начинаю жить! Жить, Цезония, жить – это противоположно любви. Я, я говорю тебе это, и я приглашаю тебя на праздник без границ, на генеральный процесс, на прекрасный спектакль! Мне нужна толпа, зрители, жертвы, виновные!

Бросается к гонгу и бьет, не останавливаясь, со всей силы. Продолжая бить:

Введите виновных! Мне нужны виновные! Виновны – все. (Продолжая бить.) Я хочу, чтоб ввели приговоренных к смерти. Публика, мне нужна публика! Судьи, свидетели, обвиняемые – все приговорены заочно. О, Цезония! Я покажу им то, чего они не видели никогда – единственного свободного человека в этой империи.

Под гудение гонга дворец наполняется приближающимся шумом. Голоса, звон оружия, шаги, шепот. Калигула смеется, продолжая бить. Входят стражники и сейчас же выходят. Он все бьет.

И ты, Цезония, ты мне подчинишься! Ты будешь всегда помогать мне. Это будет чудесно! Клянись, что ты будешь мне помогать!

Цезония (вне себя, меж ударами гонга). Мне не нужно клясться, я люблю тебя!

Калигула (по-прежнему). Ты сделаешь все, что я тебе скажу.

Цезония (по-прежнему). Все, Калигула, только остановись.

Калигула (продолжая бить). Ты будешь жестокой.

Цезония (плача) Жестокой...

Калигула (по-прежнему). Холодной и неумолимой.

Цезония. Неумолимой...

Калигула (по-прежнему). Ты тоже будешь страдать.

Цезония. Да, да, Калигула! Но я схожу с ума.

Входят ошеломленные Патриции и с ними дворцовая стража. Калигула ударяет в гонг последний раз, поднимает молоток и поворачивается к ним.

Калигула (обезумев). Входите все! Приблизьтесь! Я вам приказываю приблизиться! (Топает ногой.) Император велит вам приблизиться. (Все подходят, полные ужаса.) Быстрей! И ты, Цезония!

Он берет ее за руку, подводит к зеркалу и молотком неистово бьет по отражению, смеется.

Видишь? Больше – ничего! Ни воспоминаний, ни лиц тех, кто ушел. Ничего. Больше ничего. Но ты знаешь, что осталось. Приблизься. Смотри. Приблизьтесь. Смотрите.

Стоит перед зеркалом в гордой позе безумца.

Цезония (глядя в зеркало, с ужасом). Калигула!

Калигула, уткнув палец в зеркало, застывшим взглядом глядит на себя.

Калигула (торжественно). Калигула.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена первая

Патриции у Кереи.

Первый патриций. Он оскорбляет наше достоинство.

Муций. Вот уже три года.

Старый патриций. Он сделал меня посмешищем на всю жизнь. Он называет меня "женушкой".

Муций. Вот уже три года.

Первый патриций. Каждый вечер, совершая прогулку, он заставляет нас бегать вокруг его носилок.

Второй патриций. И еще говорит, что бег полезен для здоровья.

Муций. Вот уже три года.

Старый патриций. Это нельзя извинить.

Третий патриций. Да, такое не прощается.

Первый патриций. Патрициан! Он конфисковал твоё имущество; Сципион! он убил твоего отца; Октавий! он отобрал у тебя жену и теперь принудил ее работать в своем публичном доме; Лепидий, он убил твоего сына. И вы готовы все это стерпеть? Я сделал свой выбор. Я не могу колебаться меж риском и этой невыносимой жизнью в страхе и беспомощности.

Сципион. Убив моего отца, он определил мой выбор.

Первый патриций. Вы еще сомневаетесь?

Третий патриций. Мы с тобой. Он отдал наши места в цирке народу, чтобы еще больше нас уязвить, и довел нас до того, что мы должны драться с чернью.

Старый патриций. Сволочь.

Второй патриций. Циник.

Третий патриций. Шут гороховый.

Старый патриций. Импотент.

Четвертый патриций. Вот уже три года.

Суматоха. Хватаются за оружие. Падает факел. Стол перевернут. Все устремляются к выходу. Входит бесстрастный Керей и останавливает их.

Сцена вторая

Керей. Куда это вы?

Третий патриций. Во дворец.

Керей. Понятно. И вы думаете, вас впустят?

Третий патриций. Мы не собираемся просить позволения.

Керея. Смотри-ка, как вы вдруг осмелели! Могу я, по крайней мере, присесть в своем собственном доме?

Дверь закрывается, Керея проходит к опрокинутому столу и усаживается на угол. Все поворачиваются к нему.

Керея. Это не так легко, как вам кажется, друзья. Страх не заменит вам отвагу и хладнокровие. Рано вы все это затеяли.

Третий патриций. Если ты не с нами – иди прочь. Но придержи язык.

Керея. Думаю, я все же с вами. Но у меня на то иные причины.

Третий патриций. Хватит болтать.

Керея (поднявшись). В самом деле, хватит. Я хочу внести ясность. Ибо хоть я и с вами, я не за вас. Ваши методы мне не по душе. Вы не знаете истинного своего врага, вы приписываете ему мелкие цели. А у него цели только великие! Вы идете навстречу собственной гибели. Сумейте вначале увидеть его таким, какой он есть. И тогда вы сможете с ним бороться.

Третий патриций. Мы видим, какой он есть! Самый сумасшедший из тиранов!

Керея. Не уверен. Сумасшедшие императоры нам не в новость. Но этот не такой уж сумасшедший. Я ненавижу его за то, что он знает, чего он хочет.

Первый патриций. Он хочет всем смерти.

Керея. Нет, ибо смерть для него – вещь второстепенная. Он поставил свое могущество на службу страсти более высокой и губительной. Он угрожает самой нашей сути. Бессспорно, это не первый случай, когда человек наделен властью безграничной, но это первый случай, когда он безгранично ею пользуется и доходит до того, что отрицает людей и мир. Вот что ужасает меня в нем, и вот с чем я хочу бороться. Потерять жизнь – пустяк, и мне достанет храбости, когда это будет нужно. Но видеть, как теряется смысл этой жизни, как исчезает сама необходимость существования – вот что нестерпимо. Жить в бессмысленном мире нельзя.

Первый патриций. Месть – вот в чем смысл.

Керея. Да, и я буду мстить вместе с вами. Но не из участия к вашим маленьким унижениям, а для того, чтобы сразиться с великой идеей, торжество которой означает конец света. Мне все равно, если вас осмеют, но мне не все равно, если Калигула сделает то, о чем он мечтает, – и сделает все, о чем он мечтает. Он превратит свою философию в трупы, а к несчастью эта философия не приемлет контраргументов. Нужно бить, когда не можешь опровергнуть.

Третий патриций. Значит, нужно действовать.

Керея. Да, действовать нужно. Но вам не сломит власти, идя напролом, когда власть эта в полной силе. Можно бороться с тиранией. Но для этого надо научиться хитрить с бескорыстной злобой, надо потворствовать ей, ожидая, пока логика не превратится в слабоумие. Говорю вам еще раз: я с вами, но только на время. Потом у меня будут другие цели. Я лишь хочу восстановить мир во вновь сплоченном мире. Мною движет не честолюбие, но разумный страх: страх перед этим бесчеловечным лиризмом, согласно которому моя жизнь – ничто.

Первый патриций (приближаясь). Мне кажется, я понял. Или почти понял. Но в основном мы сходимся: основы нашего общества поколеблены. Для нас это прежде всего вопрос морали, не так ли? Семьи трепещут, всякий труд теряет уважение. Отечество проклято. Добродетель призывает нас на помощь. Можем ли мы не взять ее призывам? Патриции! Согласны ли вы бегать каждый вечер вокруг носилок Цезаря?

Старый патриций. Будете ли вы позволять, чтобы вас называли "моя дорогая"?

Третий патриций. И отбирали у вас жен?

Второй патриций. И детей!

Муций. И деньги!

Пятый патриций. Нет!

Первый патриций. Керея, ты хорошо говорил. Ты хорошо сделал, что остановил нас. Рано действовать. Сегодня народ был бы еще против нас. Но, Керея, будешь ли ты с нами, когда придет время?

Керея. Да. Позволим Калигуле действовать. Даже будем подталкивать его по этой дороге. Организуем его безумие. Наступит день, когда он останется один на один с империей мертвцевов – и родителей этих мертвцевов.

Одобрительные возгласы. Снаружи – звуки трубы. Тишина. Из уст в уста одно слово: "Калигула!"

Сцена третья

Входят Калигула и Цезония. За ними следуют Геликон и стражники. Немая сцена. Калигула останавливается и смотрит на заговорщиков. В полном молчании переходит от одного к другому. Поправляет одному локон, оборачивается и некоторое время пристально глядит на другого. Сматривает на них еще, проводит рукой по глазами и, не сказав ни слова, выходит.

Сцена четвертая

Цезония (глядя на беспорядок. С иронией). Вы что – дрались?

Керея. Дрались.

Цезония (так же). И из-за чего вы дрались?

Керея. Не из-за чего.

Цезония. Тогда это неправда.

Керея. Что – неправда?

Цезония. Вы не дрались.

Керея. Значит, не дрались.

Цезония (улыбаясь). Так, может быть, стоит привести комнату в порядок? Калигула терпеть не может беспорядка.

Геликон (старому патрицию). Вы добьетесь того, что он проявит свой характер.

Старый патриций. А что мы ему сделали?

Геликон. Именно – ничего. Это и подозрительно. Трудно не обратить на это внимания. Поставьте себя на место Калигулы. (пауза.) Ведь вы замыслили тут небольшой заговор, не так ли?

Старый патриций. Что за чепуха? Почему он так думает?

Геликон. Он не думает, он знает. Но мне кажется, что в глубине души он и сам этого немножко хочет... Ну что ж, давайте наводить порядок.

Все суетятся. Калигула входит и наблюдает за ними.

Сцена пятая

Калигула (старому патрицию). Здравствуй, моя радость! (Остальным.) Керея, я решил пообедать у тебя; Муций, я позволил себе пригласить твою жену.

Управитель хлопает в ладоши. Входит раб. Калигула его останавливает.

Минутку! Господа! Вы знаете, что государственные финансы держатся на ногах лишь потому, что к этому привыкли. Начиная со вчерашнего дня привычки этой, однако, недостаточно. С прискорбием сообщаю, что вынужден приступить к сокращению штатов. Для начала я решил пойти на большую жертву, которую вы наверняка оцените: отказаться от излишеств. Я намерен освободить нескольких рабов, а для необходимых мне услуг милостиво соглашусь использовать вас... Будьте любезны, соберите на стол.

Сенаторы смотрят друг на друга, колеблются.

Геликон. Ну что ж вы, господа? Немножко энтузиазма! Уверяю вас, спускаться по социальной лестнице куда легче, чем подниматься!

Сенаторы в нерешительности. Они делают несколько шагов.

Калигула (Цезонии). А какое наказание полагается ленивым рабам?

Цезония. Я думаю, кнут.

Сенаторы поспешно и неловко начинают устанавливать стол.

Калигула. Ну-ка! Дружней, дружней! (Геликону.) Откуда у них растут руки?

Геликон. По правде говоря, они только и умеют, что указывать да бить. На первых порах с этим надо смириться. Нужен один день, чтобы воспитать сенатора, а чтобы воспитать работника – как минимум десять лет.

Калигула. А чтобы сделать работника из сенатора, боюсь, не хватит и двадцати.

Геликон. Рано или поздно это придет. У них есть способности. Услужливость у них в крови.

Один из сенаторов утирает пот со лба.

Ого, уже начали потеть! Это достижение.

Калигула. Хорошо. Не будем слишком требовательны. По справедливости говоря, все не так уж плохо. Кстати о справедливости: нам нужно поторопиться; я должен присутствовать на казни. О! Руфию повезло, что я проголодался. (доверительно.) Руфий – тот всадник, который должен умереть. (Пауза.) Вы не спрашиваете, за что?! (Общее молчание. Во время паузы рабы приносят кушанья. Калигула, добродушно.) Я вижу, вы поумнели. (Грызет оливку.) Наконец-то вы поняли, что для того, чтобы умереть, не обязательно провиниться. Воины! Я доволен вами! Не так ли, Геликон?

Оставляет оливку и насмешливо смотрит на сенаторов.

Геликон. Конечно. Отличная армия. Но если ты хочешь знать мое мнение, они стали слишком умны. Они не хотят больше воевать. Если так будет продолжаться и дальше, империя рухнет.

Калигула. Логично. Ну, давайте отдохнем. Рассаживайтесь кто как хочет. Не нужно формальностей... Однако этому Руфию повезло, хоть, я уверен, он и не оценит отсрочку. А ведь несколько часов, выигранных у смерти, следовало бы ценить. (Ест. За ним остальные. Выясняется, что Калигула плохо ведет себя за столом. Он позволяет себе бросать косточки оливы в тарелку соседа, выплевывать на блюдо обедки, ковыряться ногтями в зубах и шумно чесаться. И этим он не ограничивается. Вдруг он перестает есть и вперяется взглядом в Лепидия.) у тебя

Камю Альбер Калигула filosoff.org
плохое настроение? Не потому ли, что я убил твоего сына?

Лепидий (поперхнувшись). Нет, Кай, наоборот.

Калигула (широко улыбаясь). Наоборот! О, как я люблю, когда выражение лица противоречит заботам сердца! Твое лицо печально, но твое сердце – наоборот, не так ли, Лепидий?

Лепидий (решительно). Да, Цезарь.

Калигула (все более веселясь). Ах, Лепидий! Никто не дорог мне так, как ты. Давай посмеемся вместе! И – не расскажешь ли ты мне какую-нибудь забавную историюку?

Лепидий (который переоценил свои силы). Кай!

Калигула. Ну ладно. Тогда я расскажу. Но ты будешь смеяться, договорились, Лепидий? (Внезапно нахмурившись.) Про твоего второго сына, а? (Снова веселясь.) Впрочем, разве у тебя плохое настроение? (Пьет, потом подсказывает.) "На...", "на..." Ну, Лепидий?

Лепидий (бессильно). Наоборот, Кай.

Калигула. В добрый час. (Пьет.) Слушай теперь. (Мечтательно.) Жил да был бедный император, которого никто не любил. Он же, любя Лепидия, казнил его младшего сына, чтобы вырвать из его сердца и эту любовь. (Меняет тон.) На самом деле это неправда. Забавно, не так ли? Но ты не смеешься! Никто не смеется! Ну, слушайте! (Злобно.) Я хочу, чтобы все смеялись. Ты, Лепидий, и остальные. Встаньте! смеитесь! (Бьет кулаком по столу.) Я хочу – слышите? – я хочу видеть, как вы смеетесь!

Все встают. В продолжение этой сцены актеры, кроме Калигулы и Цезонии, могут двигаться, как марионетки. Калигула, откинувшись на ложе, безудержно смеется.

Взгляни на них, Цезония! Ничего нет! Честь, совесть – как там еще? мудрость нации – все исчезло перед лицом страха! Страх, Цезония, это прекрасное чувство; без примесей, чистое, бескорыстное, животное чувство! Одно из тех редких чувств, которые лишают человека всякого благородства. (Проводит рукой по лбу. Пьет.) Дружески. Поговорим о чем-нибудь другом. (Керее.) Что-то ты сегодня молчалив, Керея.

Керея. Я готов говорить, Кай, – как только ты позволишь.

Калигула. Чудесно. Тогда помолчи. Я лучше послушаю нашего друга Муция.

Муций (через силу). Как прикажешь, Кай.

Калигула. Ну, расскажи нам о своей жене, Муций. А для начала пусть она идет ко мне.

Жена Муция идет к Калигуле.

Ну, Муций? Мы ждем.

Муций (растерявшись). Моя жена?... Я... я ее люблю...

Общий смех.

Калигула. Конечно, дружок, конечно. Но это так банально!

Женщина ложится рядом с ним. Он рассеянно целует ее в левое плечо. Все более приходя в хорошее расположение духа:

Правда ведь, когда я вошел, вы составляли заговор? Хотели немножко побунтовать, а?

Старый патриций. Кай, как ты можешь!

Камю Альбер Калигула filosoff.org

Калигула. Это не имеет значения, моя радость. Нужно чем-то заниматься на старости лет. Но все это не имеет значения. Вы не способны к решительным действиям... Кстати, мне пришло в голову, что нужно еще урегулировать несколько государственных дел... Но вначале отдадим дань тем властительным желаниям, коими наделила нас природа.

Поднимается и уводит жену Муция в соседнюю комнату.

Сцена шестая

Муций порывается встать.

Цезония. Ах, Муций! я бы выпила еще этого прекрасного вина.

Муций покорно наливает ей. Общее неловкое молчание. Сиденья поскрипывают. Следует несколько натянутый диалог.

Цезония. Так. Керея. Может быть ты теперь скажешь, почему вы дрались?

Керея (холодно). Все началось, дорогая Цезония, с того, что мы заспорили, может ли быть поэзия опасной.

Цезония. Это ужасно интересно. Хоть и недоступно моему женскому пониманию. Все же меня восхищает, что ваша страсть к искусству довела вас до драки.

Керея (так же). Да; к тому же Калигула говорил мне, что истинная страсть не бывает без некоторой жестокости.

Геликон. Равно как и любовь – без капельки насилия.

Цезония (ест). Вполне справедливо. А вы что думаете, господа?

Старый патриций. Калигула бесстрашный психолог.

Первый патриций. Он красноречиво говорил нам о мужестве.

Второй патриций. Он должен обобщить свои идеи. Это будет бесценное сокровище.

Керея. К тому же это его займет. Он явно нуждается в развлечениях.

Цезония (продолжая есть). В таком случае вам приятно будет узнать, что он думал об этом и сейчас пишет объемный труд.

Сцена седьмая

Входят Калигула и жена Муция.

Калигула. Муций, я возвращаю твою жену. Она опять принадлежит тебе... Извините, господа, мне нужно сделать несколько распоряжений.

Быстро выходит. Муций, побледнев, подымается на ноги.

Сцена восьмая

Цезония (Муцию). ...Без сомнения, это будет один из величайших научных трудов.

Муций (по-прежнему глядя на дверь, за которой скрылся Калигула). И о чём в нем будет говориться, Цезония?

Камю Альбер Калигула filosoff.org
Цезония (равнодушно). О, это выше моего понимания.

Керея. Надо думать, это будет труд об убийственной силе поэзии.

Цезония. Я думаю, что да.

Старый патриций (игриво). Что ж, это его зайдет, как сказал Керея.

Цезония. Да, моя ненаглядная... Но вас, должно быть, смутит название этого произведения.

Керея. И как же оно называется?

Цезония. "Меч".

Сцена девятая

Быстрым шагом входит Калигула.

Калигула. Извините, но дела государства тоже не терпят отлагательств. Управитель, ты прикажешь закрыть хлебные склады; я только что подписал указ. Ты найдешь его в спальне.

Управитель. Но...

Калигула. Завтра будет голод!

Управитель. Но народ возмутится!

Калигула (громко и отчетливо). Я сказал: завтра будет голод! Что такое голод знают все. Это – бич. Завтра все почувствуют, как он бьет. И я остановлю его когда мне вздумается. (Объясняет остальным.) В конце концов, у меня не так уж много способов доказать, что я свободен. Человек свободен всегда за счет других. Это досадно, но естественно. (Бросает взгляд на Муция.) Применяя это правило к ревности, сразу видишь, как уродливо это чувство. (Мечтательно.) Страдать из-за собственного воображения и тщеславия! Видеть, как твою жену... (Муций сжимает кулаки и открывает рот. Калигула, очень быстро.) Ну, давайте есть, господа. Кстати, мы с Геликоном много работали в последнее время и завершили небольшой трактат о казнях... Вы для него еще добавите материала.

Геликон. При том условии, что у вас спросят мнение.

Калигула. Будем великодушны, Геликон. Откроем им наши маленькие секреты. Давай: раздел третий, параграф первый.

Геликон (встает, читает монотонно, нараспев). "Казнь облегчает и освобождает. Как в теории, так и на практике казнь является универсальным и общеукрепляющим средством. Люди умирают, ибо они виновны. Виновны они потому, что они – поданные Калигулы. Поданными Калигулы являются все. Следовательно, все виноваты. Откуда вытекает, что все умрут. Это вопрос лишь времени и терпения".

Калигула (смеясь). Ну, что вы думаете об этом? Терпение – вот в чем штука. Признаюсь вам, оно-то больше всего меня в вас и восхищает. А теперь, господа, я вас больше не задерживаю. Керея больше не нуждается в вашем присутствии. Но Цезония пусть остается. Лепидий и Октавий тоже. И Мерея. Мне хотелось бы с вами обсудить вопросы организации моего публичного дома. Он доставляет мне много хлопот.

Остальные медленно выходят. Калигула провожает Муция взглядом.

Сцена десятая

Камю Альбер Калигула filosoff.org
Керея. Я к твоим услугам, Кай. что случилось? Плохой персонал?

Калигула. Нет, но малы доходы.

Мерея. Нужно поднять тариф.

Калигула. Ты упустил прекрасный случай помолчать, Мерея. В твоем возрасте такие вопросы не должны тебя беспокоить. Кроме того, я не спрашивал твоего мнения.

Мерея. Тогда зачем ты приказал мне оставаться?

Калигула. Затем, что мне скоро будет нужен бесстрастный взгляд.

Мерея отходит.

Керея. Если бы я мог говорить об этом с необходимой страстью, Кай, я бы советовал тарифы не трогать.

Калигула. Ну, посмотрим. Но мы должны восстановить доход. Я уже рассказал свой план Цезонии, и она вам его сейчас изложит. Что до меня, то я выпил лишнего, и мне что-то хочется спать. (Ложится и закрывает глаза.)

Цезония. Это совсем просто! Калигула учредил новую награду.

Керея. Не вижу связи.

Цезония. И все же она есть. Эта награда представляет собой орден гражданского героизма. Ее получат те граждане, которые будут особенно часто посещать публичный дом Калигулы.

Керея. Великолепно.

Цезония. Мне тоже так кажется. Награды будут присуждаться каждый месяц согласно количеству предъявленных входных билетов. Граждане, не удостоившиеся награды в течение года, будут высланы или казнены.

Третий патриций. Почему – "или"?

Цезония. Калигула сказал, что это не имеет значения. Главное то, что он сможет выбирать.

Керея. Браво! Наконец-то решился вопрос с публичной казнью.

Геликон. И заметьте – в соответствии со всеми требованиями морали. Лучше установить твердую расценку на порок, чем драть три шкуры с добродетели, как это делают при республиканском образе правления.

Калигула приоткрывает глаза и смотрит на старого Мерея, который, стоя поодаль, достает флакон и отпивает из него глоток.

Калигула (все еще лежа). Что ты пьешь, Мерея?

Мерея. Это от астмы, Кай.

Калигула, расталкивая остальных, подходит к нему и принюхивается.

Калигула. Нет. Это противоядие.

Мерея. Что ты, Кай! Ты смеешься? У меня кашель по ночам, и я давно лечусь.

Калигула. Итак, ты боишься, что тебя отравят.

Мерея. Моя астма...

Калигула. Нет. Давай называть вещи своими именами: ты боишься, что я тебя отравлю. Ты меня подозреваешь. Ты шпионишь за мной.

Мерея. Клянусь всеми богами, нет!

Калигула. Ты меня подозреваешь. Ты в некотором роде не доверяешь мне.

Мерея. Кай!..

Калигула (жестко.) Согласись. (Веско.) Принимая противоядие, ты приписываешь мне намерение тебя отравить.

Мерея. Да... то есть, я хочу сказать... нет...

Калигула. С тех пор как ты вбил себе в голову, что я решил тебя отравить, ты делаешь все возможное, чтобы противиться моей воле.

Молчание. С самого начала этого диалога Цезония и Керея уходят в глубь сцены. Оставшись в одиночестве, Лепидий с тревогой следит за развитием действия.

Калигула (все более упирая на слова.) Тут возможны два преступления, что рождает альтернативу, из которой тебе не выпутаться. Или я не хотел тебя убить, и ты несправедливо подозревал меня. Меня – своего императора! Или же я этого хотел, и ты, насекомое, смел противиться моей воле. (Пауза. Калигула удовлетворенно рассматривает старика.) Ну что, Мерея, логично?

Мерея. Твоя логика безупречна, но неприменима к этому случаю.

Калигула. И третье преступление: ты считаешь меня дураком. Слушай теперь хорошенько. Из этих трех преступлений только второе делает тебе честь: приписав мне определенное решение, ты противишься ему. Это делает тебя заговорщиком. Стало быть, ты предводительствуешь людьми, ты – революционер. Это хорошо. (Грустно.) Я очень тебя люблю, Мерея. И потому ты будешь осужден за второе преступление. Ты умрешь достойно – за то, что был революционером.

В продолжение этой речи Мерея все больше съеживается на своем сиденье.

Не благодари меня. Все в порядке вещей. держи. (Подает ему флакон. Миролюбиво.) выпей. Это яд.

Мерея, дрожа от рыданий, отрицательно трясет головой.

Калигула (с нетерпением). давай, давай.

Мерея пытается бежать. Калигула молниеносным прыжком настигает его. Валит на низкое сиденье, после недолгой борьбы впихивает ему флакон между зубов и ударом кулака разбивает его. Краткая конвульсия. Мерея умирает. По лицу его течет кровь, смешанная с ядом. Калигула поднимается и машинально вытирает руки. Цезонии, подавая осколок пузырька Мереи.

Что это? Противоядие?

Цезония (спокойно). Нет, Калигула. Это лекарство от астмы.

Калигула (глядя на Мерею, после паузы). Это ничего не значит. Все идет к одному. Немного раньше – немного позже...

Быстро выходит с деловым видом, вытирая на ходу руки.

Сцена одиннадцатая

Лепидий (подавленно). Что же делать?

Цезония (просто). Я думаю, для начала убрать тело. На него страшно смотреть.

Керея и Лепидий берут тело и уносят его за кулисы.

Лепидий (Керее). Придется действовать быстро.

Камю Альбер Калигула filosoff.org
Керея. Потребуется двести человек.

Входит Сципион. Заметив Цезонию, хочет уйти.

Сцена двенадцатая

Цезония. Иди сюда.

Сципион. Чего тебе?

Цезония. Подойди ко мне.

Берет его за подбородок и смотрит ему в глаза. Пауза.

(Холодно.) Он убил твоего отца?

Сципион. Да.

Цезония. Ты его ненавидишь?

Сципион. Да.

Цезония. Ты хочешь его убить?

Сципион. Да.

Цезония (отпуская его). Почему ты мне это говоришь?

Сципион. Потому что я ничего не боюсь. Есть два способа покончить с этим делом: убить его или самому быть убитым. Впрочем, ты меня не предашь.

Цезония. Ты прав; я тебя не предам. Но я хотела бы кое-что сказать тебе. Вернее, я хотела бы поговорить с тобой о главном, что в тебе есть.

Сципион. Главное во мне – моя ненависть.

Цезония. Выслушай меня. Я хочу сказать тебе одну вещь, которая одновременно и сложна и очевидна. Но если ты поймешь ее, она бесповоротно переменит мир – только она способна это сделать.

Сципион. Ну? говори.

Цезония. Подожди. Вначале представь себе искаженное лицо твоего отца, которому вырвали язык. Представь его рот, наполненный кровью, и звериный вой, когда его пытали.

Сципион. Да.

Цезония. Теперь представь Калигулу.

Сципион (с ненавистью). Да.

Цезония. А теперь слушай: попытайся его понять.

Выходит, оставив Сципион а в растерянности. Входит Геликон.

Сцена тринадцатая

Геликон. Сейчас вернется Калигула. Желаете ли вы остаться и отобедать, поэт?

Сципион. Геликон, помоги мне.

Камю Альбер Калигула filosoff.org
Геликон. Это небезопасно, голубчик. К тому же я ничего не смыслю в поэзии.

Сципион. Ты мог бы мне помочь. Ты многое знаешь.

Геликон. Я знаю, что дни идут, и нужно успеть наесться. Я знаю также, что ты бы мог убить Калигулу... и что он не имел бы ничего против.

Входит Калигула. Геликон выходит.

Сцена четырнадцатая

Калигула. А, это ты.

Останавливается словно в нерешительности.

Я давно тебя не видел. (Медленно приближается.) Чем ты занимаешься? Все еще пишешь? Мог бы ты показать мне свои последние стихи?

Сципион (неловко, словно колеблясь между ненавистью к Калигуле и каким-то, ему самому непонятным чувством). Я написал поэму, Цезарь.

Калигула. О чём?

Сципион. Не знаю, Цезарь. Может быть, о природе.

Калигула (преодолев неловкость). Прекрасная тема. И обширная... А какое тебе дело до природы?

Сципион (овладев собой, иронически). Она утешает меня, когда я вспоминаю, что я не Цезарь.

Калигула. Зато я – Цезарь. Может ли она меня утешить в этом?

Сципион (так же). Я думаю, она исцеляет и более серьезные раны.

Калигула (просто). Раны? В твоем голосе злость. Не потому ли, что я убил твоего отца? Раны. Если б ты знал, как удачно это слово! (Изменив тон.) Лишь по злости можно узнать умного человека.

Сципион (напряженно). Я только ответил на твой вопрос о природе.

Калигула садится, смотрит на Сципиона, потом резко хватает его и усаживает у своих ног. Обеими руками повернув его лицо к себе:

Калигула. Читай свою поэму.

Сципион. Пожалуйста, Цезарь, не надо.

Калигула. Почему?

Сципион. У меня нет ее с собой.

Калигула. Ты не помнишь ее наизусть?

Сципион. Нет.

Калигула. Хотя бы расскажи ее содержание.

Сципион (напряженно, через силу). В ней говорится...

Калигула. Ну?

Сципион. Нет, я не знаю...

Калигула. А ты попробуйся.

Сципион. В ней... говорится... о земном согласии...

Калигула (перебивая его, увлеченно). ...о согласии земном и предвечном...

Сципион (удивлен, колеблется, потом продолжает). Да, что-то в этом роде.

Калигула. Продолжай.

Сципион. Еще о линии римских холмов и о том скоротечном, волнующем покое, который приносит с собой вечер.

Калигула. О криках стрижей в зеленом небе...

Сципион (удивляясь, доверчиво). Да, и об этом.

Калигула. Ну?

Сципион. И о том неуловимом мгновении, когда небо, еще полное золота, внезапно опрокидывается и обращает к нам иной свой лик, весь усыпанный звездами.

Калигула. ...О том запахе дыма, деревьев и воды, который восходит от земли в ночь...

Сципион (с жаром). Крик кузнечиков и падение летнего зноя, лай собак, грохот последней повозки; голоса крестьян...

Калигула. ...И дороги затоплены тенью мастиковых деревьев и олив.

Сципион. Да, да! Все это так! Но как ты узнал? . .

Калигула (обнимая Сципиона). Я не знаю. Может быть, потому что мы с тобой любим одни и те же истинды.

Сципион (дрожа, прижимает голову к груди Калигулы). О! Важно ли это, когда все во мне полно любви.

Калигула (все так же обнимает его). Это свойство великих сердец, Сципион. Если бы я мог изведать кристальную ясность твоей души! Но моя страсть слишком сильна для такой жизни, она не сможет удовлетвориться природой. Тебе не понять этого. Ты из другого мира. Ты чист в добре, как я - во зле.

Сципион. Я могу понять.

Калигула. Нет. Что-то во мне. Это озеро молчания, это сгнившие травы... (Резко меняет тон.) Возможно, твоя поэма хороша. Но если ты хочешь знать мое мнение...

Сципион (с прежней интонацией). Да.

Калигула. Во всем этом не хватает крови.

Сципион вырывается из объятий Калигулы и с ужасом глядит на него. Все отступая, говорит глухо, в то время как Калигула не спускает с него пристального взгляда.

Сципион. О чудовище! Смрадное чудовище! Ты играл со мной все это время! Что ж - ты доволен мной?!

Калигула (немного грустно). Должно быть, ты прав. Я играл.

Сципион (так же). Бесчестное, холодное сердце! Как много зла и ненависти бродит в тебе!

Калигула (тихо). Теперь замолчи.

Сципион. Как я жалею тебя и как ненавижу!

Калигула (бешено). Замолчи!

Сципион. На какое гнусное одиночество ты себя обрек!

Калигула (взрываясь, бросается к нему, хватает за ворот, трясет). Одиночество! Ты! Да знаешь ли ты, что такое одиночество? Одиночество поэтов и импотентов! Одиночество? Но какое? А! ты знаешь только одно одиночество, которого не бывает. А весь тот груз прошлого и будущего, который мы всюду на себе таскаем?! Люди, которых убиваешь, остаются с тобой. И это было бы еще ничего. Но те, кого любил, кого не любил и которые любили тебя, скорбь, желание, горечь и нежность, шлюхи и шайка богов... (Отпускает Сципиона и отступает к своему месту.) Один! О! Если бы вместо этого одиночества, отравленного присутствием – моим же собственным присутствием! – я мог бы изведать истину – молчание, дрожь дерева! (Садится, внезапно обессилен.) Одиночество! Нет, Сципион! Оно переполнено шумом, скрежетом зубов, глухими воплями. И рядом с женщиной, которую я сжимаю в объятьях, когда ночь смыкается над нами, и я, отстраненный от моего наконец удовлетворенного тела, стараюсь меж жизнью и смертью сохранить частицу себя, мое беспредельное одиночество наполняется острым запахом наслаждения, исходящим от ее подышек, запахом женщины, которая вновь гибнет рядом со мною.

Калигула обессилен. Долгое молчание. Сципион нерешительно подходит сзади к Калигуле и кладет ладонь ему на плечо. Не оборачиваясь, Калигула прикрывает ее своей.

Сципион. Всем людям в жизни дается хотя бы немного ласки. Это помогает им жить. И именно ласки ожидают они, когда чувствуют, что устали.

Калигула. Это правда.

Сципион. Так разве в тебе самом нет ничего, похожего на тихое убежище, куда можно уйти, почувствовав приближение слез?

Калигула. Есть.

Сципион. И что ж это за убежище?

Калигула (медленно). Презрение.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена первая

До поднятия занавеса слышны звуки цимбал и барабанов. Занавес открывается; на сцене – балаганное представление. В центре – ширма, перед которой на небольшом возвышении находятся Геликон и Цезония. По обеим сторонам цимбалисты. Спиной к зрителям сидят несколько патрициев и Сципион.

Геликон (тоном ярмарочного зазывалы). Подходите! Подходите! (Цимбалы.) Снова боги спустились на землю! Кай – Цезарь и бог, прозванный Калигулой, – их воплощение. Подходите, жалкие смертные! Священное чудо совершается у вас на глазах. Особой милостью благословенного правления Калигулы божественные таинства откроются вам!

Цимбалы.

Цезония. Подходите, господа! Восхищайтесь и развязывайте свои кошельки! Небесная тайна доступна сегодня каждому всего за один обол!

Цимбалы.

Геликон. Закулисная жизнь Олимпа! Ночное белье! Слезы! Интриги! Подходите! Подходите! Узнайте всё о своих богах!

Цимбалы.

Камю Альбер Калигула filosoff.org
Цезония. Восхищайтесь и развязывайте кошельки! Подходите, господа! Представление начинается!

Цимбалы. Рабы выносят на эстраду различные предметы.

Геликон. Грандиозное зрелище! Потрясающее воплощение Истины! Величественные картины божественного могущества в земной постановке! Сенсационный, беспримерный аттракцион! Молния! (Рабы зажигают греческие огни.) Гром! (Катят бочку, полную булыхников.) Судьба собственной персоной в триумфальном марше! Подходите и смотрите во все глаза!

Отодвигается ширма и зрителям предстает Калигула – на пьедестале, одетый в комический костюм Венеры.

Калигула (любезно). Сегодня я – Венера.

Цезония. Все охвачены восторгом! Все падают ниц! (Патриции, кроме Сципиона, бросаются на колени.) И повторяйте за мной священную молитву Венеры-Калигулы:

"Богиня страдания и танца..."

Патриции. "Богиня страдания и танца..."

Цезония. "Рожденная в волнах, от пены липкая и горькая от соли..."

Патриции. "Рожденная в волнах, от пены липкая и горькая от соли..."

Цезония. "Ты – смех и раскаянье..."

Патриции. "Ты – смех и раскаянье..."

Цезония. "Злость и порыв..."

Патриции. "Злость и порыв..."

Цезония. "Научи нас безразличию, рождающему любовь..."

Патриции. "Научи нас безразличию, рождающему любовь..."

Цезония. "Открой нам Истину этого мира, которой в нем нет..."

Патриции. "Открой нам Истину этого мира, которой в нем нет..."

Цезония. "И дай нам сил жить в величии этой Истины..."

Патриции. "И дай нам сил жить в величии этой Истины..."

Цезония. Пауза.

Патриции. Пауза.

Цезония (продолжает). "Осыпь нас дарами своими, освети наши лица огнем твоей жестокости и ненависти, беспристрастной до конца; открой глазам нашим твои руки, полные цветов и трупов..."

Патриции. "...твои руки, полные цветов и трупов..."

Цезония. "Прими блудных твоих сынов, раствори им двери в приют, лишенный твоей безграничной, мучительной любви. Даруй нам твою страсть, не ведающую предмета страсти, мучение, лишенное причины, и радость, у которой нет будущего..."

Патриции. "...и радость, у которой нет будущего..."

Цезония (очень громко). Ты – беспределная и пылающая, бесчеловечная, но такая земная! Напои нас вином Равенства и насыть нас навеки в твоем черном, соленом сердце".

Патриции. "...напои нас вином Равенства и насыть нас навеки в твоем черном,

Камю Альбер Калигула filosoff.org
соленом сердце".

Калигула, хранивший молчание все время молитвы, после ее завершения насмешливо фыркает и говорит звучным голосом:

Калигула. Хорошо, дети мои; ваша просьба будет исполнена.

Усаживается на пьедестал по-турецки. Один за другим Патриции становятся на колени, кладут оболы и, прежде чем уйти, выстраиваются в ряд, справа от помоста. Последний от волнения забывает положить обол и хочет отойти. Однако Калигула вскакивает на ноги.

Калигула. Ну-ка, ну-ка! Поди сюда, мой мальчик. Обожать – хорошо, но обогащать – еще лучше. Спасибо. Вот так – хорошо. Если бы у богов не было других богатств кроме любви смертных, они были бы такими же бедными, как бедный Калигула. А теперь, господа, вы можете идти и рассказать в Городе об удивительном чуде, свидетелями которого вам посчастливилось быть. Вы видели Венеру – воистину видели! – своими собственными глазами. И Венера разговаривала с вами. Идите, господа.

Патриции собираются уйти.

Минутку! Выходите левым коридором. В правом поставлена охрана, которой велено вас убить.

Патриции, толкаясь, устремляются к выходу. Рабы и музыканты исчезают.

Сцена вторая

Геликон грозит пальцем Сципион у.

Геликон. Ты все еще строишь из себя анархиста, Сципион.

Сципион (Калигуле). Ты богохульствовал, Кай.

Геликон. Что бы это такое значило, а?

Сципион. Ты хочешь изгадить небо после того, как залил кровью землю.

Геликон. Этот юноша любит красивые слова. (Ложится на диван.)

Цезония (очень спокойно). Как у тебя со здоровьем, мой мальчик? Нынче в Риме умирают и за менее пылкие речи.

Сципион. Я решил говорить правду Каю.

Цезония. Гляди, Калигула, в твоей империи вряд ли отыщется еще одна столь высокоморальная личность.

Калигула (заинтересованно). Так ты действительно веришь в богов, Сципион?

Сципион. Нет.

Калигула. Тогда я не понимаю, с чего это ты так рьяно взялся обличать богохульство.

Сципион. Я могу отрицать что-либо, но не считаю необходимым очернять или лишать других права верить.

Калигула. Весьма непрятязательно. Вот она – истинная скромность. Я восхищаюсь тобой, Сципион, и, как ты знаешь, завидую тебе: скромность единственное, чего во мне никогда не будет.

Сципион. Не мне ты завидуешь – богам.

Калигула. Хочешь, я открою тебе главный секрет моего правления? Все, в чем можно меня упрекнуть на сегодняшний день, – так это то, что я добился кое-какого прогресса в деле могущества и свободы. Человека, который любит власть, несколько раздражает соперничество богов. И потому я упразднил их. Я доказал этим призрачным богам, что человек сильной воли безо всякого труда может справиться с их нелепым ремеслом.

Сципион. Это богохульство, Кай.

Калигула. Нет, Сципион, трезвый взгляд на вещи. Я понял, что есть единственный способ сравниться с богами – стать таким же жестоким, как они.

Сципион. Стать тираном, Кай?

Калигула. Что такое тиран?

Сципион. Слепая душа.

Калигула. Ты не прав, Сципион. Тиран – тот, кто приносит народы в жертву своим желаниям и идеям. У меня нет идей, и мне больше нечего желать – ни власти, ни почестей. И если я пользуюсь властью, то лишь ради компенсации.

Сципион. Компенсации чего?

Калигула. Глупости и ненависти богов.

Сципион. Ненависть не компенсируется ненавистью. Властью вопроса не решишь. И я знаю единственное средство уничтожить вражду в этом мире.

Калигула. И что это за средство?

Сципион. Нищета.

Калигула (поглаживая ступни ног). Нужно будет испытать и этот способ.

Сципион. Пока ты собираешься, вокруг тебя умирает множество людей.

Калигула. На самом деле, не так уж много, Сципион. Знаешь, от скольких войн я отказался?

Сципион. Нет.

Калигула. От трех. И знаешь почему?

Сципион. Потому что тебе плевать на величие Рима.

Калигула. Нет. Потому что я ценю человеческую жизнь.

Сципион. Ты смеешься надо мной, Кай.

Калигула. Или, по крайней мере, я ставлю ее выше, чем идеал завоевания. Но правда и то, что не выше, чем собственную жизнь. И мне легко убивать потому, что мне легко умереть. Нет, чем больше я размышляю, тем больше убеждаюсь, что я – не тиран.

Сципион. Какая разница! Нам это стоит столько же, как если бы ты им был.

Калигула (нетерпеливо). Если бы ты взялся подсчитать, ты убедился бы, что и самое незначительное военное предприятие рассудительного тирана обошлось бы вам в тысячу раз дороже, чем капризы моей фантазии.

Сципион. По крайней мере, это было бы разумно и, главное, понятно.

Калигула. Судьбу нельзя понять – поэтому я творю судьбу. Я принял личину богов, глупую и непостижимую. И только что твои товарищи учились обожать ее.

Сципион. И это тоже богохульство, Кай.

Калигула. Нет, Сципион, это драматическое искусство. Ошибка всех этих людей в том, что они недооценивают силу театра. Иначе они знали бы, что любому человеку позволено разыграть небесную трагедию и стать богом. Для этого достаточно ожесточить сердце.

Сципион. Может быть это и так, Кай. Но если это правда, то ты сделал первый шаг к тому, чтобы однажды легионы очеловеченных богов восстали вокруг тебя, беспощадные, как и ты, и в один миг потопили в крови твое божество.

Цезония. Сципион!

Калигула (жестко, с расстановкой). Помолчи, Цезония! Сципион, ты сам не знаешь, как хорошо ты сказал. Я с трудом представляю себе день, о котором ты говоришь. Но несколько раз я видел его во сне. И на всех лицах, которые подступали ко мне из глубины горькой ночи, в их чертах, искаженных ненавистью и злобой, я с восторгом узнавал единственного бога, которого я признаю в этом мире: подлого и трусливого, как человеческое сердце. (Раздраженно.) А теперь убирайся. Ты сказал слишком много. (Меняя тон.) Мне еще нужно выкрасить ногти на ногах: вещь совершенно неотложная.

Все выходят, кроме Геликона, который расхаживает вокруг Калигулы, наблюдая, как тот красит ногти.

Сцена третья

Калигула. Геликон!

Геликон. Что?

Калигула. Твоя работа продвигается?

Геликон. Какая работа?

Калигула. Ну какая!.. Луна.

Геликон. Продвигается. Тут вопрос терпения. Но я хотел бы поговорить с тобой.

Калигула. Может быть, терпения у меня бы и хватило. Но у меня мало времени. Нужно действовать быстро, Геликон.

Геликон. Я уже говорил тебе, я буду стараться изо всех сил. Но прежде мне нужно сообщить тебе важные вещи.

Калигула (словно не слыша его). Знаешь, что я ее уже имел.

Геликон. Кого?

Калигула. Луну.

Геликон. Да, конечно. Но знаешь ли ты, что против тебя составляют заговор?

Калигула. И все же я ее имел. Правда, всего два или три раза. Но, как бы там ни было – я имел ее.

Геликон. Я уже давно пытаюсь поговорить с тобой.

Калигула. Это было прошлым летом. После того, как я смотрел на нее и сжимал в объятиях в колоннаде сада, она все поняла.

Геликон. Прекратим эту игру, Кай. Мой долг говорить с тобой, даже если ты не хочешь меня слушать. Тем хуже, если ты не слышишь.

Калигула (по-прежнему занятый окраской ногтей). Этот лак никуда не годится. Что касается луны, то это произошло ночью, в августе. (Геликон оборачивается с досадой и замолкает, неподвижно стоя перед Калигулой.) Я уже лег. Она менялась.

Камю Альбер Калигула filosoff.org

Вначале она была у горизонта, вся в крови. Потом стала подниматься все быстрей и легче. И чем выше подымалась она, тем становилась светлее. Она была подобна озеру молочной воды посреди ночи, полной дрожания звезд. И тут она предстала передо мной – пылкая, нежная и голая. Она достигла порога комнаты и медленно и уверенно приблизилась к моей кровати, затопив меня улыбкой своего сияния... Решительно, этот лак никуда не годится! Но ты видишь, Геликон: я могу сказать не хвастаясь, что владел ею.

Геликон. Неужели ты не хочешь услышать, что тебе угрожает?

Калигула (остановясь и пристально глядя на него). Я хочу только луну, Геликон. Я с самого начала знал, что меня убьет. Но я не исчерпал еще того, что вынуждает меня жить. И поэтому я хочу луну. Не смей появляться здесь до тех пор, пока не исполнишь моего поручения.

Геликон. Я исполню свой долг и скажу то, что я должен сказать. Против тебя составлен заговор. Керя во главе. Я нашел табличку, в которой ты прочтешь остальное. Я оставляю ее здесь.

Кладет табличку на одно из сидений и уходит.

Калигула. Куда ты, Геликон?

Геликон (с порога). Искать тебе луну.

Сцена четвертая

В противоположную дверь тихо скребутся. Калигула резко оборачивается и видит старого патриция.

Старый патриций (колеблясь). Ты позволишь, Кай?

Калигула (нетерпеливо). Давай, входи. (Глядя на него.) Входи, моя радость. Что, пришел еще раз полюбоваться Венерой?

Старый патриций. Нет, я пришел не за этим. Тс-с-с... О, извини, Кай!.. Я хотел сказать... ты знаешь... Я очень тебя люблю... И потом я прошу только одного... Я хочу только одного: спокойно дожить свои дни.

Калигула. Не тяни! Скорей!

Старый патриций. Да, конечно... В конце концов... (Поспешно.) Это очень важно, вот и все.

Калигула. Нет, это не важно.

Старый патриций. Как же так, Кай?

Калигула. О чём мы толкуем, моя любовь?

Старый патриций (озираясь по сторонам). В общем... то есть... (Суетится, мнется и наконец выпаливает.) Заговор против тебя!

Калигула. Вот видишь! Что я говорил? Это совсем не важно.

Старый патриций. Кай, они хотят тебя убить!

Калигула (подходит к нему и берет за плечи). Знаешь, почему я не могу верить тебе?

Старый патриций (отчаянно жестикулируя). Клянусь всеми богами, Кай!..

Калигула (тихо, подталкивая его к двери). Главное, не надо клясться. Лучше послушай. Если то, что ты сказал, правда, я вынужден допустить, что ты предаешь своих друзей, не так ли?

Старый патриций (растерянно). Я хотел сказать, Кай... моя любовь к тебе...

Калигула (тем же тоном). Но я не могу смириться с таким предположением. Я так ненавижу подлость, что мне было бы трудно удержаться и не убить предателя. Я знаю, что ты за человек. И уж конечно, ты не захочешь ни предать, ни умереть.

Старый патриций. Конечно, Кай, конечно!..

Калигула. Итак, ты видишь, что у меня есть причины не верить тебе. Ведь ты не подлец, как ты считаешь?

Старый патриций. Нет, конечно нет!

Калигула. И не предатель?

Старый патриций. Об этом не может быть и речи, Кай!

Калигула. И, следовательно, заговора нет и это только шутка?

Старый патриций (с искаженным лицом). Шутка, обыкновенная шутка!..

Калигула. Значит, никто не хочет меня убить?

Старый патриций. Никто, разумеется, никто!

Калигула (глубоко вздохнув, медленно). Тогда исчезни, моя радость! Честный человек в этом мире – столь редкое животное, что я не могу слишком долго им любоваться. Мне нужно остаться одному, чтобы вкусить всю сладость этого великого момента.

Сцена пятая

Калигула некоторое время глядит на табличку, оставленную Геликоном; потом берет ее и читает. Глубоко вздохнув, зовет Стражника.

Калигула. Приведи Керею.

Страж направляется к выходу.

Подожди.

Страж останавливается.

Будь почтителен с ним. (Страж уходит.)

Калигула некоторое время расхаживает по сцене, потом направляется к зеркалу.

Ты решил быть логичным, идиот. И нужно лишь определить, до каких пор. (С иронией.) Если тебе принесут луну, все изменится, не так ли? И в тот же миг невозможное станет возможным и все преобразится. Почему бы и нет, Калигула? Кто может знать? (Озирается.) Вокруг меня все меньше и меньше людей, и это забавно. (Своему отражению, глухо.) Слишком много мертвых. Слишком много. Это опустошает. И даже если мне принесут луну, мне уже не вернуться назад, к тому, с чего я начал. И пусть даже мертвые вновь встрепенутся под нежным лучом солнца, земля не поглотит совершенных убийств. (С яростью.) Логика, Калигула! Нужно следовать логике. Власть до конца. Одиночество до конца. Назад не вернуться. Нужно идти, пока все не окончится само собой.

Входит Керея.

Сцена шестая

Калигула сидит, откинувшись на сидении, в неудобном и словно бы тесном ему плаще. Лицо его измождено.

Керея. Ты звал меня, Кай?

Калигула (слабым голосом). да, Керея. Стража! Огня!

Молчание.

Керея. Ты хотел что-то сказать мне?

Калигула. Нет, Керея.

Молчание.

Керея (несколько раздраженно). Ты уверен, что мое присутствие необходимо?

Калигула. Совершенно уверен, Керея. (Снова молчание. Внезапно, с поспешностью.) Извини меня, я рассеян и плохо тебя принимаю. Садись. давай поговорим как друзья. Мне необходимо поговорить с умным человеком.

Керея садится; держит себя непринужденно – кажется, впервые за все время пьесы.

Керея, веришь ли ты, что два человека, равные между собою гордостью и душой, могут хотя бы раз в своей жизни поговорить от всего сердца, так, словно они наги друг перед другом, словно содрали с них их предрассудки, мелкие интересы и ложь, в которой они живут?

Керея. Я думаю, что это возможно, Кай. Но, по-моему, ты не способен на это.

Калигула. Ты прав. Я только хотел знать, думаешь ли ты так же, как я. Итак, наденем маски. Пустим в ход нашу ложь. Будем говорить – словно сражаться, прикрываясь ею, как щитом. Керея, почему ты меня не любишь?

Керея. Потому что в тебе нет ничего, достойного любви, Кай. Потому что нельзя принудить себя к любви. Потому что я слишком хорошо тебя понимаю. Наконец, потому что нельзя любить одно из своих собственных лиц, которое стараешься спрятать от самого себя.

Калигула. Но за что ты меня ненавидишь?

Керея. Ты ошибаешься, Кай. У меня нет к тебе ненависти. Я считаю, что ты приносишь вред, что ты жесток, эгоистичен и тщеславен. Но я не могу ненавидеть тебя, потому что вижу, что ты несчастлив. И не могу тебя презирать, потому что ты не подлец.

Калигула. Тогда почему ты хочешь меня убить?

Керея. Я сказал тебе: я считаю, что ты приносишь вред. Я люблю безопасность. У меня потребность жить в безопасности. Большинство людей подобны мне. Они не способны жить во вселенной, где самая причудливая мысль в единый миг может стать реальностью. Я тоже, я не могу жить в такой вселенной. Я хочу сам распоряжаться собой.

Калигула. Безопасность и логика несовместимы.

Керея. Это правда. Это нелогично, но разумно.

Калигула. Продолжай.

Керея. Мне нечего больше сказать. Я не хочу принимать твою логику. У меня другое представление о моем человеческом долге. Я знаю, большинство твоих подданных думают так же, как я. Ты мешаешь всем. Будет естественно, если ты исчезнешь.

Калигула. Все это очень понятно и вполне законно. Для большинства людей это очевидно. Однако не для меня. Ты умен. Ум должен дорого платить за себя либо себя уничтожить. Я плачу. А ты, почему ты не уничтожаешь себя и не хочешь

платить?

Керея. Потому что я хочу жить и быть счастливым. И я думаю, что ни то ни другое невозможно, когда собственная логика все время приводит к абсурду. Я такой, как все. Для того, чтобы чувствовать себя свободным, я иногда желаю смерти тем, кого люблю; желаю тех женщин, которых законы семьи и дружбы запрещают мне желать. Чтобы оставаться логичным, я должен был бы убивать или насиливать. Но я считаю, что все эти смутные желания значения не имеют. Если бы все стали их осуществлять, мы не смогли бы ни жить, ни быть счастливыми. А только это мне и нужно.

Калигула. Тогда надо верить в какие-то высшие идеи.

Керея. Я верю, что можно поступать лучше и хуже.

Калигула. Я думаю, что все равны.

Керея. Я это знаю, Кай. Именно поэтому у меня нет к тебе ненависти. Но ты всем мешаешь, и нужно, чтобы ты исчез.

Калигула. Это вполне справедливо. Но почему ты объяляешь это мне и рискуешь своей жизнью?

Керея. Потому что другие встанут на мое место, и потому что я не люблю лгать.

Молчание.

Калигула. Керея!

Керея. Да, Кай.

Калигула. Веришь ли ты, что два человека, равные между собою гордостью и душой, могут хотя бы раз в своей жизни поговорить от всего сердца?

Керея. Я думаю, что мы сейчас этим и занимаемся.

Калигула. Да, Керея. Однако тебе казалось, что я на это не способен.

Керея. Я ошибался, Кай. Теперь я понял это и благодарю тебя. Я жду твоего приговора.

Калигула (рассеянно). Моего приговора?.. А, ты хочешь сказать... (достает табличку из своего плаща.) Узнаешь, Керея?

Керея. Да. Я знал, что она у тебя.

Калигула (взвужденно). Верно, Керея, и сама твоя откровенность была притворной. Два человека не могут говорить от всего сердца. Впрочем, это не важно. Сейчас мы продолжим игру в откровенность и попробуем еще раз, вернувшись к тому, с чего начали. Нужно, чтобы ты попытался понять то, что я тебе скажу, нужно, чтобы ты перенес мои оскорблений и мой дурной нрав. Слушай, Керея. Эта табличка – единственная улика против тебя.

Керея. Я ухожу, Кай. Я устал от этого кривляния. Я слишком хорошо его знаю и не хочу больше видеть.

Калигула (прежним тоном). Останься еще. Это улика, так?

Керея. Мне кажется, тебе не нужно улик, чтобы убить человека.

Калигула. Ты прав. Но один раз я могу себе позволить противоречие. Это никому не помешает. Приятно противоречить себе время от времени. Противоречи себе отдашь. А мне нужен отдых, Керея.

Керея. Я не понимаю и не люблю эти сложности.

Калигула. Конечно, Керея. Ты здоровый человек. Ты не хочешь ничего необычного. (С хохотом.) Ты хочешь жить и быть счастливым! Только это!

Керея. Мне кажется, нам пора остановиться.

Калигула. Еще нет. Немножко терпения. Вот смотри: у меня есть улика. И мне хочется считать, что без нее я не могу вас убить. В этом моя идея и мой отдых. Ладно. Смотри теперь, чем становится улика в руках императора.

Подносит табличку к огню факела. Керея приближается к Калигуле. Факел меж ними. Табличка плавится.

Смотри, конспиратор, она плавится! И по мере того, как уходит она в небытие, на лице твоем разгорается утро невинности! Какой у тебя восхитительно чистый лоб, Керея! Как это прекрасно – невинность! Как прекрасно! Восхищайся моим могуществом! Сами боги не могут вернуть человеку невинность, вначале не наказав. А твоему императору нужен только огонь, чтобы отпустить тебе грехи и воодушевить тебя! Продолжай, Керея, доведи да конца свое прекрасное рассуждение, которое ты мне тут излагал. Твой император жаждет отдыха. Это в его духе – жить и быть счастливым!

Керея в оцепении смотрит на него. Потом делает едва уловимый жест, показывающий, что он – понял, открывает рот и быстро выходит. Калигула держит табличку в огне и, улыбаясь, провожает его взглядом.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена первая

Сцена погружена в полумрак. Входят Керея и Сципион. Керея проходит вначале направо, потом налево, потом возвращается к Сципиону.

Сципион (с неприступным видом). Чего ты от меня хочешь?

Керея. Время не ждет. Мы должны быть тверды в нашем деле.

Сципион. С чего ты взял, что я колеблюсь?

Керея. Вчера ты не пришел на наше собрание.

Сципион (оборачиваясь). Верно, Керея.

Керея. Сципион, я старше тебя и не привык просить о помощи. Но ты мне нужен. Это убийство требует поддержки авторитетных лиц. Только мы с тобой сохранили еще разум среди этого низкого страха и уязвленного тщеславия. Я знаю, если ты нас оставил, ты никого не предашь. Но дело не в этом. Я хочу, чтобы ты был с нами.

Сципион. Я понимаю тебя; но – клянусь – я не способен на это.

Керея. Значит, ты с ним?

Сципион. Нет. Но я не могу быть против него. (После паузы, глухо.) даже если бы я убил его, мое сердце осталось бы с ним.

Керея. Но ведь он казнил твоего отца.

Сципион. Да, и с этого все началось. И этим же все окончилось.

Керея. Он отрицает то, что ты признаешь. Он глумится над тем, что ты богоотворишь.

Сципион. Это так, Керея. Но у меня с ним есть нечто общее. Один огонь сжигает нам сердце.

Камю Альбер Калигула filosoff.org
Керея. У нас остается всего несколько часов, чтобы выбрать. И все, что есть у меня с ним общего, я заглушил в себе.

Сципион. Я не могу выбирать. Ибо я страдаю. И больше всего я страдаю из-за того, что страдает он. Моя беда в том, что я все понимаю.

Керея. Значит, ты сделал выбор. Ты признаёшь его правоту.

Сципион (кричит). О! Клянусь тебе, Керея! ничью правоту не признаю я больше – ничью и никогда!

Пауза. Смотрят друг на друга.

Керея (с чувством, приближаясь к Сципиону). Знаешь, я ненавижу его еще больше за то, что он сделал с тобой.

Сципион. Он научил меня быть требовательным.

Керея. Нет, Сципион, он вверг тебя в безысходность. А ввергнуть в безысходность молодую душу – преступление, которое страшней всех прежних его преступлений. Клянусь, за одно это я с наслаждением убил бы его.

Направляется к выходу. Входит Геликон.

Сцена вторая

Геликон. Я искал тебя, Керея. Калигула устраивает здесь небольшую дружескую встречу. Дождись его. (Поворачивается к Сципиону.) А ты, голубчик, тут не нужен. Можешь идти.

Сципион (выходя, Керее). Керея!

Керея (очень тихо). Да, Сципион.

Сципион. Постарайся понять.

Керея (очень тихо). Нет, Сципион.

Сципион и Геликон выходят.

Сцена третья

За кулисами слышно бряцание оружия. Справа появляются два Страж а, сопровождающие старого патриция и первого патриция. Те явно напуганы.

Первый патриций (страж, пытаясь придать голосу твердость). В конце концов, чего от нас хотят среди ночи?

Страж. Сядь здесь. (Указывает на сиденье справа.)

Первый патриций. Если нас хотят убить, как убивали других, к чему столько возни?

Страж. Сядь здесь, старый осел.

Старый патриций. Сядем. Этот человек ничего не знает. Это видно.

Страж. Да, моя радость, это видно.

Выходит.

Первый патриций. Я говорил, надо было действовать быстро. А теперь нам не миновать пытки.

Сцена четвертая

Керея (не поднимаясь с сиденья, спокойно). Что случилось?

Первый патриций и Старый патриций (вместе). Заговор раскрыт!

Керея. Ну и что теперь?

Старый патриций (трясясь). Теперь – пытка.

Керея (бесстрастно). Мне помнится, Калигула дал некоему ворюге-рабу восемьдесят одну тысячу сестерциев за то, что тот не сознался под пыткой.

Первый патриций. Нам-то что от этого?

Керея. Ничего, но это доказывает, что он любит смелость. Вы должны это учесть. (Старому патрицию.) Не мог бы ты перестать стучать зубами? А то у меня от этого стука мурашки по коже.

Старый патриций. Но ведь...

Первый патриций. Хватит. Мы играем со смертью.

Керея (не двигаясь). Вы знаете любимую фразу Калигулы?

Старый патриций (чуть не плача). Да. Он сказал ее палачу: "убей его медленно, чтобы он чувствовал, как умирает".

Керея. Нет, еще лучше. Как-то после казни он зевнул и сказал: "Более всего я восхищаюсь собственной бесчувственностью".

Первый патриций. Слышите?

Звон оружия.

Керея. И это выдает его слабость.

Старый патриций. Ты не можешь не философствовать? Ненавижу подобную болтовню.

В глубине сцены появляется раб. Он вносит оружие и складывает его на сиденье.

Керея (не видит раба). Признаем все же, что этот человек имеет неоспоримое влияние. Он вынуждает думать. Он всех вынуждает думать. Отсутствие безопасности – вот его метод. И именно поэтому его так ненавидят.

Старый патриций (дрожа). Посмотри!

Керея (замечает оружие. Слегка изменившимся голосом). Может быть, ты и прав.

Первый патриций. Нужно было действовать быстро. Мы слишком много выждали.

Керея. Да. Но этот вывод несколько запоздал.

Старый патриций. Это какая-то бессмыслица! Я не хочу умирать!

Он вскакивает и бросается к дверям. Два Страж а, внезапно появившись на сцене, хватают его и бьют по лицу. Первый патриций вжимается в сиденье. Керея произносит несколько слов, которые не слышны в зале. Неожиданно в глубине сцены раздается резкая, прыгающая музыка систр и цимбал. Патриции смотрят в немом оцепенении. Калигула в коротком платье танцовщицы, с цветами в волосах, появляется позади экрана театра теней, делает несколько смешных па и убегает. Тотчас вслед за этим Страж торжественно объявляет: "Представление окончено!" Тихо входит Цезония.

Камю Альбер Калигула filosoff.org
Патриции ее не видят. Она останавливается у них за спиной и говорит ровным голосом, от которого Патриции тем не менее вздрогивают.

Сцена пятая

Цезония. Калигула поручил мне уведомить вас, что, хотя обыкновенно вы созывались для дел государственных, сегодня вы приглашены разделить с ним радость единения с прекрасным. (Пауза. Потом прежним тоном.) Впрочем, он добавил, что тем, кто останется глух к искусству, отрубят голову.

Патриции молчат.

Прошу извинить меня за настойчивость. Но мне поручено узнать, находите ли вы этот танец прекрасным.

Первый патриций (после минутного колебания). Он прекрасен, Цезония.

Старый патриций (вне себя от признательности). Вне всяких сомнений, Цезония!

Цезония. А ты что скажешь, Керея?

Керея (холодно). Это высокое искусство.

Цезония. Чудесно. Я так и доложу об этом Калигуле.

Сцена шестая

Геликон. Скажи, Керея, это действительно великое искусство?

Керея. В определенном смысле – да.

Геликон. Понимаю. Ты сильный человек, Керея. Ты честен даже во лжи. Ты действительно сильный человек. Я – нет. И все же я не подпущу вас к Каю, даже если он сам этого захочет.

Керея. Не понимаю, о чем ты говоришь. Но восхищаюсь твоей преданностью. Мне нравятся хорошие слуги.

Геликон. Ишь ты, какой гордый! Да, я служу безумцу. Но ты, кому служишь ты? добродетели? Я скажу тебе, что я об этом думаю. Я рожден рабом. Я плясал под кнутом, прежде чем принял облик человека порядочного и честного. Кай не вел со мной бесед. Он просто освободил меня и взял во дворец. И тогда у меня появилась возможность как следует разглядеть вас, добродетельных. И я увидел, как вы невзрачны и какой пресный дух распространяете вы, вы, которые никогда не страдали и не рисковали ничем. Я видел знать, богато одетую, но с нищим сердцем, с жадным лицом и цепкими руками. И это – судьи! Вы, торговцы добродетелью, мечтающие о безопасности, как девушка мечтает о любви, и умирающие в страхе, даже не сумев понять, что всю свою жизнь вы лгали, – вы беретесь судить того, чьи страдания неисчислимы, того, кто каждый день истекает кровью тысячи новых ран! Вы первыми броситесь на меня, я в этом уверен. Презирай раба, Керея. Он выше твоей добродетели, ибо может еще любить своего несчастного господина, который сразится с вашей ложью и заткнет ваши клятвопреступные рты.

Керея. Дорогой Геликон! Ты дал волю своему красноречию, но, по совести говоря, вкус тебе изменяет.

Геликон. Очень жаль. Видно, общение с вами не проходит даром. Старые супруги в конце концов сживаются друг с другом так, что становятся схожи и внешне: их уже трудно различить. Но повторяю: я ничего не боюсь. И имей в виду... Посмотри: видишь это лицо? Хорошо. Вглядись в него получше. Чудесно. Сейчас ты видел своего врага.

Выходит.

Камю Альбер Калигула filosoff.org

Сцена седьмая

Керея. А теперь нужно действовать быстро. Оба оставайтесь здесь. Сегодня вечером у нас будет сто человек.

Выходит.

Старый патриций. "Оставайтесь здесь, оставайтесь здесь..." я бы предпочел уйти. (Втягивает воздух носом.) Здесь пахнет смертью.

Первый патриций. Или враньем. (Грустно.) Я сказал, что этот танец прекрасен.

Старый патриций (примирительно). В определенном смысле он был прекрасен. В определенном смысле.

Внезапно входит несколько патрициев и всадников.

Сцена восьмая

Второй патриций. Что случилось? Вы не знаете? Император посыпал за нами.

Старый патриций (рассеянно). Наверное, для танца.

Второй патриций. Для какого танца?

Старый патриций. Ну, для единения с прекрасным.

Третий патриций. Мне сказали, что Калигула тяжело болен.

Первый патриций. Так оно и есть.

Третий патриций. Так что же происходит? (Радостно.) Ради всех богов, он умрет?

Первый патриций. Не думаю. Его болезнь смертельна только для других.

Старый патриций. Если можно так выразиться.

Второй патриций. Я тебя понял. Но скажи, разве нет болезни менее серьезной и более выгодной для нас?

Первый патриций. Нет. Эта болезнь вне конкуренции. Вы позволите? я должен видеть Керею.

Выходит. Входит Цезония. Минутная пауза.

Сцена девятая

Цезония (с безразличным видом). У Калигулы что-то с желудком. Его рвало кровью.

Патриции окружают ее.

Второй патриций. О всемогущие боги! Клянусь, если он поправится, я пожертвую в государственную казну двести тысяч сестерциев!

Третий патриций (с пафосом). Юпитер! Возьми мою жизнь в обмен на его!

В этот момент входит Калигула. Слушает.

Калигула (приближаясь ко второму патрицию). Я принимаю твой дар, Люций, и благодарю тебя. Завтра к тебе зайдет мой казначей. (Подходит к третьему и обнимает его.) Ты не можешь себе представить, как я растроган. (После паузы.) Так ты меня любишь?

Третий патриций (проникновенно). Ах, Цезарь, нет ничего на свете, что пожалел бы я для тебя.

Калигула (по-прежнему его обнимая). Ах, Кассий, это уж слишком! Я не заслуживаю такой любви...

Кассий делает протестующий жест.

Нет, нет, говорю тебе, я не достоин... (Подзывает двух стражников.) Уведите его. (Кассию, ласково.) Иди, друг, и помни, что отныне сердце Калигулы принадлежит тебе.

Третий патриций (начиная волноваться). Но куда меня ведут?

Калигула. На казнь. Ведь ты отдал свою жизнь за мою, а мне уже лучше. Пропал даже этот противный привкус крови во рту. Ты меня излечил. Счастлив ли ты, Кассий? Рад ли отдать свою жизнь за жизнь другого, если этот другой Калигула? А я, между тем, снова здоров и готов ко всем праздникам жизни.

Стражники силой уводят третьего патриция. Тот сопротивляется и кричит.

Третий патриций. Я не хочу! Это была шутка!

Калигула (мечтательно, между криками). Скоро дороги к морю будут покрыты мимозами. Женщины наденут легкие платья. Небо станет глубоким и свежим, Кассий. Так улыбается жизнь!

Кассий уже почти у дверей. Цезония его легонько подталкивает. Калигула, оборачиваясь, неожиданно серьезно:

Жизнь, мой друг! Если бы ты достаточно ее любил, ты бы не играл ею так беспечно.

Кассия уводят. Калигула, возвращаясь к столу.

Когда теряешь, всегда надо платить. (Пауза.) Подойди, Цезония. (Оборачивается к остальным.) Кстати, мне в голову пришла интересная мысль, которой я хочу поделиться с вами. До сегодняшнего дня мое правление было слишком безмятежным. Его не омрачала ни повальная чума, ни жестокая религия, ни даже государственные перевороты. Короче, ничего, что могло бы остаться в памяти потомков. И отчасти по этой причине я стараюсь возместить нерешительность судьбы. Я имею в виду – не знаю, понятно ли это (с коротким смешком) – я сам заменяю чуму. (Сменив тон.) Но молчите. Вот Керея. Займись им, Цезония.

Выходит. Входят Керея и Первый патриций.

Сцена десятая

Цезония торопливо идет навстречу Керее.

Цезония. Калигула умер.

Отворачивается, словно сдерживая слезы, и пристально смотрит на молчящих патрициев. У всех подавленный вид – по разным причинам.

Первый патриций. Ты... ты уверена в этом? Это невозможно. Он только что танцевал.

Цезония. Да, и это усилие его доконало.

Камю Альбер Калигула filosoff.org
Керея быстро переходит от одного патриция к другому и опять останавливается перед Цезонией. Все молчат. Цезония, медленно:

Ты ничего не говоришь, Керея.

Керея (так же медленно). Это большое несчастье, Цезония.

Врываются Калигула и подбегает к Керее.

Калигула. Хорошо сыграно, Керея! (Оборачивается и тяжело глядит на других.) Ну ладно. Не удалось. (Цезонии.) Не забудь, что я тебе сказал.

Выходит.

Сцена одиннадцатая

Цезония провожает его взглядом.

Старый патриций (все еще не потеряв надежды). Он что, заболел, Цезония?

Цезония (с ненавистью). Нет, моя радость, он не заболел. Но знаешь ли ты, что этот человек уже которую ночь спит не больше двух часов, а все остальное время, не в силах отдыхать, бродит по галереям своего дворца? И ты не можешь знать, ведь ты никогда не интересовался, о чем думает он в эти губительные часы с полуночи и до восхода. Ты говоришь, болен? Нет. Он не болен. По крайней мере, тебе не отыскать лекарства от язвы, которая жжет его душу.

Керея (как будто растроган). Ты права, Цезония. И мы все знаем, что Калигула...

Цезония (быстро). Да, вы это знаете! Но как и всем, у кого нет души, вам невыносим человек, у которого ее избыток. Да, избыток! Вот что мешает вам! Не правда ли? И вот вы назвали это болезнью. И дураки обрадовались: все объяснено! (Другим тоном.) Ты когда-нибудь любил, Керея?

Керея (вновь своим обычным голосом). Мы уже слишком стари, чтоб учиться этому, Цезония. К тому же нет надежды, что Калигула даст нам время на это.

Цезония (овладев собою). Это так. (Садится.) Я совсем забыла указание Калигулы: сегодняшний день посвящен искусству.

Старый патриций. Согласно календарю?

Цезония. Нет. Согласно воле Калигулы. Он пригласил несколько поэтов, и им будет предложено сочинить импровизацию на заданную тему. Он желает, чтобы те из вас, кто пишет стихи, приняли участие в предстоящем состязании. Он особо надеется на Сципиона и Метелия.

Метелий. Но мы не готовы.

Цезония (словно не слыша, бесстрастно). Победителей ожидают награды. Будут также и наказания. (Немного отступив назад.) Скажу вам по секрету, они не слишком серьезны.

Входит Калигула, более мрачный, чем обычно.

Сцена двенадцатая

Калигула. Все готово?

Цезония. Готово. (Стражу.) Введите поэтов

Входит десяток поэтов. Они идут парами, в ногу. Проходят направо.

Калигула. А другие?

Цезония. Сципион и Метелий!

Те присоединяются к поэтам. Калигула усаживается слева, в глубине сцены, рядом с Цезонией и остальными патрициями. Пауза.

Калигула. Тема: смерть. Время: одна минута.

Поэты торопливо пишут на своих табличках.

Старый патриций. А кто в жюри?

Калигула. Я. что, этого недостаточно?

Старый патриций. О, конечно, вполне достаточно!

Керея. Ты примешь участие в конкурсе, Кай?

Калигула. Это ни к чему. Я давно написал свое сочинение на эту тему.

Старый патриций (усердствуя). Его можно где-нибудь взять почитать?

Калигула. Я и так цитирую его вам каждый день.

Цезония тревожно глядит на него. Калигула, грубо:

Тебе не по душе моя физиономия?

Цезония (тихо). Прости меня.

Калигула. Ради бога, Цезония, не унижайся. Прошу тебя, не надо. Тебя и так уже трудно выносить, а если ты еще будешь унижаться!..

Цезония медленно встает. Калигула Керее:

Так вот. Это единственное сочинение, которое я написал. И оно доказывает, что есть только один художник в Риме – ты слышишь, Керея? – только один! которому удалось слить воедино свои мысли и действия. И этот художник – я.

Керея. Это всего лишь вопрос власти.

Калигула. Действительно. Прочие творят из-за ее недостатка. А мне не нужно писать книги. Я живу. (Грубо.) Эй, вы! Вы готовы?

Метелий. Я думаю, что да.

Все. Готовы.

Калигула. Теперь слушайте меня хорошенъко. Вы будете выходить из шеренги. По одному. Я буду свистеть. Первый начнет чтение. По моему свистку он должен остановиться, и начнет второй. И так далее. Победителем станет тот, чье чтение не будет прервано. Приготовьтесь. (Поворачивается к Керее, доверительно.) Во всем нужна организация. Даже в искусстве.

Свисток.

Первый поэт. "О Смерть! Когда на берег черных рек..."

Свисток. П о э т переходит на левую сторону. далее все будут делать так же.

Второй поэт. "Три древних Парки в пещере мрачной..."

Свисток.

Третий поэт. "Зову тебя, о Смерть!..."

Камю Альбер Калигула filosoff.org
Яростный свисток. Четвертый поэт выходит из шеренги и принимает напыщенную позу.
Свисток раздается еще до того, как он успевает открыть рот.

Пятый поэт. "Когда я был ребенком малым..."

Калигула (кричит). Какая может быть связь между твоим дурацким детством и предложенной темой?! Ты хочешь меня убедить, что она есть?

Пятый поэт. Кай, я еще не окончил...

Пронзительный свисток.

Шестой поэт (выходит и откашливается). "Неумолимая! Она грядет..."

Свисток.

Седьмой поэт (загадочно). "О туманное, темное слово!.. . "

Прерывающий свисток. Сципион выходит без таблички.

Калигула. У тебя нет таблички, Сципион?

Сципион. Она мне не нужна.

Калигула. Посмотрим. (Покусывает свисток.)

Сципион (стоит совсем рядом с Калигулой, не глядя на него, с какой-то усталостью).

"я буду говорить о счастье; только счастья
достоин человек, как солнца – небо.

И длится праздник, дикий и прекрасный,

Мой бред и счастье, счастье без надежд..."

Калигула (тихо). Пожалуй, хватит. (Сципиону.) Ты слишком молод, чтобы познать истинные уроки смерти.

Сципион (пристально глядя на Калигулу). Я был слишком молод, чтобы лишиться отца.

Калигула (резко оборачиваясь, остальным поэтам). Эй вы! Вернитесь в шеренгу. Скверный поэт – слишком жестокое испытание для моего вкуса. Я привык вас считать своими союзниками. Мне всегда казалось, что именно вы защитите меня в трудный час. Но я ошибся. И отныне – вы мои враги. Поэты против меня! Это конец. Выходите строем. Вы пройдете передо мной, слизывая с табличек следы своего позора. Внимание! Вперед!

Ритмичные свистки. Поэты идут строем к выходу, вылизывая свои бессмертные таблички. Калигула, едва слышно:

Уходите все.

В дверях Керея берет за плечо первого патриция.

Керея. Время пришло.

Сципион, который слышал, замирает в дверях и после некоторого колебания возвращается к Калигуле.

Калигула (зло). Ты не хочешь отпустить меня с миром, как я твоего отца?

Сцена тринадцатая

Сципион. Послушай, Кай, это бессмысленно. Я знаю, что ты выбрал.

Калигула. Оставь меня.

Сципион. Я в самом деле оставлю тебя: мне кажется, я тебя понял. Ни для тебя, ни для меня – а ведь мы так похожи! – больше нет выхода. Я уйду, уйду далеко, искать смысл всему этому (Пауза. Смотрит на Калигулу. С большим нажимом.) Прощай, дорогой Кай. Когда все окончится, помни, что я тебя любил.

Выходит. Калигула смотрит ему вслед. Потом резко встряхивает головой и оборачивается к Цезонии.

Цезония. Что он сказал?

Калигула. Тебе этого не понять.

Цезония. О чём ты думаешь?

Калигула. О нем. И о тебе. Хотя это одно и то же.

Цезония. Что случилось?

Калигула (глядя на неё). Сципион ушёл. Я покончил с дружбой. И теперь должен разобраться, почему ты еще здесь.

Цезония. Потому что ты меня любишь.

Калигула. Нет. Но если я тебя убью, я разберусь.

Цезония. Что ж, это решает проблему. Так сделай это. Я только не могу понять, почему ты хотя бы на миг не можешь стать самим собой.

Калигула. Я этим занимаюсь уже несколько лет.

Цезония. Я имела в виду не это. Ну пойми же меня! Ведь это прекрасно любить и жить в чистоте своего сердца.

Калигула. У каждого свой путь. Я чист лишь в своем стремлении к цели. Однако это не помешает мне тебя убить. (Смеётся.) Это будет венец моей карьеры!

Поднимается, поворачивает к себе зеркало и, словно зверь, ходит по кругу, свесив руки.

Занятно! Когда я не убиваю, я чувствую себя одиноким. Живыми не заполнить вселенной. Нужны трупы. Убивая людей, убиваешь скуку. Когда вы здесь, я чувствую безмерную пустоту, которую не в силах стерпеть. Мне хорошо только среди мертвых. (Становится лицом к публике, наклонившись вперед. Забыв о Цезонии.) Они не лгут. Они такие же, как я. Они ждут меня и торопят. (Качает головой.) Я веду долгие беседы с кем-нибудь из них, с тем, который молил меня о пощаде и которому я отрезал язык...

Цезония. Иди ко мне. Приляг рядом. Все хорошо. Все молчит.

Калигула. Все? Нет, Цезония, не все! Разве ты не слышишь звон железа? (Прислушивается.) Эти тысячи едва уловимых звуков, которые выдают ненависть, подстерегающую нас.

Неопределенный шум.

Цезония. Никто не осмелится...

Калигула. Отчего же? Ты забыла глупость.

Цезония. Глупость не убивает. Она порождает мудрость.

Калигула. Она беспощадна, Цезония. Она беспощадна, если ее оскорбить. О, меня убьют не те, у которых я казнил сыновей и отцов. Эти меня поняли. Они со мной. У

Камю Альбер Калигула filosoff.org
них тот же привкус во рту. Но другие! Те, кого я высмеивал, над кем издевался – я беззащитен перед их тщеславием.

Цезония (горячо). Мы тебя защитим! Еще много тех, кто тебя любит!

Калигула. Их все меньше и меньше. Я сделал для этого все возможное. И потом, будем справедливы, против меня не только глупость. Против меня еще отвага и верность тех, кто хочет быть счастливым.

Цезония (так же). Нет, они не убьют тебя! Боги истребят их раньше, чем они до тебя дотронутся!

Калигула. Боги! Их нет, моя милая! (Садится.) И откуда такая забота! Мы об этом не договаривались.

Цезония (встает, ходит по сцене). Неужели не достаточно видеть, как ты каждый день убиваешь других, чтобы понять, что и тебя убьют? Неужели не достаточно каждой ночь принимать тебя, жестокого и истерзанного, и чувствовать исходящий от тебя запах убийства, когда ты на меня ложишься? И видеть, как с каждым днем в тебе остается все меньше человеческого? (Поворачивается к нему.) Я знаю, я стара и скоро буду совсем некрасивой. Но забота о тебе настолько заняла мою душу, что мне уже все равно, любишь ты меня или нет. Я хочу одного: видеть тебя исцеленным. Тебя. Совсем еще ребенка. Вся жизнь перед тобой. Неужели ты думаешь, существует что-то важнее жизни?

Калигула (поднимается и смотрит на нее). Ты давно со мною.

Цезония. Да, уже давно. Ты ведь позволишь мне остаться?

Калигула. Не знаю. Я знаю только, почему ты здесь. Ты здесь ради этих ночных, когда наслаждение остро и безрадостно, и ради всего того, что ты обо мне знаешь.

Обнимает ее, одной рукой чуть запрокинув ей голову.

Мне двадцать девять лет. Это немного. Но в этот час, когда моя жизнь кажется мне такой долгой, такой законченной и свершившейся, и переполненной всем тем, что остается после мертвых, ты одна еще со мной. И я не могу побороть в себе какой-то постыдной нежности к той старой женщине, которой ты скоро станешь.

Цезония. Скажи, что ты хочешь, чтобы я была с тобой!

Калигула. Не знаю. Одно мне понятно – и это ужасней всего: эта постыдная нежность – единственное чистое чувство, которым меня наградила жизнь.

Цезония вырывается из его рук. Калигула ее преследует. Она поворачивается к нему спиной, и он обнимает ее.

Может быть, будет лучше, если последний свидетель исчезнет...

Цезония. Теперь это не имеет значения. Я счастлива, Кай! Но почему же нельзя разделить это счастье с тобой?

Калигула. Кто тебе сказал, что я несчастлив?

Цезония. Счастье великодушно. Оно не живет разрушением.

Калигула. В таком случае, бывает два счастья. Я выбрал счастье убийц. Ибо я счастлив. Было время, когда мне казалось, что я достиг предела страданий. Но нет: можно идти еще дальше. И в конце пути тебя ждет великолепное, бесплодное счастье. Посмотри на меня. (Она поворачивается к нему.) Я смеюсь, Цезония, когда думаю, что в течение всех этих лет целый Рим избегал произносить имя Друзиллы. Рим заблуждался: я понял тогда, что одной любви мне недостаточно. И это я понимаю и теперь, глядя на тебя. Любить – это значит согласиться стареть с любимым. Я на такую любовь не способен. Если бы Друзилла состарилась, это было бы много хуже, чем теперь, когда она умерла. Думают, что человек страдает от того, что любимое им существо однажды умирает. Но истинное страдание намного ничтожней: больно замечать, что больше не страдаешь. Даже страдание лишено

смысла.

Ты видишь, мне нет оправданий. Ни тени любви, ни горечи отчаяния. У меня нет алиби. Но сегодня я еще свободней, чем тогда. Я свободен от воспоминаний и иллюзий. (Истерически смеется.) Я знаю, ничто не длится. Знать это! Нас двое или трое в истории, сумевших выдержать эксперимент и достичь сумасшедшего счастья! Цезония! ты до конца досмотрела эту очень забавную трагедию. Настало время, чтобы занавес для тебя опустился.

Он подходит к ней сзади и берет руками за горло.

Цезония (в ужасе). Так эта страшная свобода и есть счастье?

Калигула (понемногу сжимая ей горло). Поверь, это так, Цезония. Не будь ее, я был бы сейчас самодовольным ничтожеством. Благодаря ей я обрел ясный и твердый взгляд пророка и отшельника! (Все больше возбуждаясь, душит Цезонию. Она не сопротивляется, чуть раскинув руки. Он шепчет ей в ухо.) Я живу, я убиваю, я пользуюсь властью разрушителя, рядом с которой власть создателя кажется лишь жалким кривлянием! Это счастье, счастье, да, это счастье! Это невыносимое освобождение, это всеобщая ненависть, презрение и кровь вокруг меня, это одиночество человека, вся жизнь которого – у него перед глазами. Это радость безнаказанного убийцы, это неумолимая логика, которая дробит человеческие жизни (смеется), которая уничтожит тебя, Цезония! И я обрету наконец вечное одиночество, которого так хочу!

Цезония (слабо сопротивляясь). Кай!

Калигула (приходя в неистовство). Не надо, не надо нежностей! Нужно кончить это, время не ждет. Да, милая Цезония, время не ждет.

Цезония хрипит. Калигула тащит ее и бросает на кровать. Глядя на нее блуждающим взглядом, хрипло:

И ты, ты тоже была виновна. Но убийство не решает ничего.

Сцена четырнадцатая

Калигула отворачивается. Во взгляде его безумие. Он подходит к зеркалу.

Калигула. Калигула! И ты, ты тоже виновен! Но кто осмелится осудить меня в этом мире, где нет судьи? где все виновны? (Голосом, полным отчаяния, приближаясь к зеркалу.) Ты видишь, Геликон не пришел! У меня не будет луны. Но как горько понимать, что это мой долг: идти до конца, пока не убьют. Ибо я боюсь смерти. Звон оружия! Это невинность готовит себе триумф. Если б я был на их месте! Мне страшно! И как противно, после того как столько лет презирал других, находить ту же трусость в себе. Но это ничего не значит. Рано или поздно страху тоже приходит конец. И я обрету эту огромную пустоту, которая навсегда успокоит мне сердце.

Отходит, снова возвращается к зеркалу. Кажется более спокойным. Опять начинает говорить – сосредоточенно, тихим голосом:

Все кажется таким сложным... на самом деле все очень просто. Если бы у меня была луна, если бы одной любви было достаточно, все стало бы другим. Но что утолит эту жажду? Какое сердце, какой бог сравнимся глубиной с озером? (Падая на колени, рыдая.) Ни в том ни в этом мире нет того, что мне нужно. Но я знаю, и ты это знаешь (рыдая, протягивает руки к зеркалу), мне хватило бы невозможного! Невозможное! я искал его у границ мирозданья, у крайних пределов своей души. Я протягивал руки! (Кричит.) Я протягиваю руки! Но нахожу только тебя! Ты передо мной! Всегда ты! Я тебя ненавижу! Я шел не тем путем. Я ничего не достиг. Это не та свобода! Геликон! Геликон! Ничего. О, как мучительна ночь! Геликон не придет. Мы останемся виновны навеки. Эта ночь мучительна, как человеческое страдание.

За кулисами слышится шепот и звон оружия.

Камю Альбер Калигула filosoff.org

Геликон (внезапно появляясь в глубине сцены). Спасайся, Кай, Спасайся!

Невидимая рука закалывает Геликона. Калигула поднимается, берет в руки низкую скамью и, тяжело дыша, подходит к зеркалу. Глядит на себя, потом, сильно размахнувшись одновременно со своим отражением, бросает скамью в стекло, крича:

Калигула. В историю, Калигула, в историю!

Зеркало разбивается. И в тот же миг во все двери входят вооруженные заговорщики. Калигула глядит им в глаза, безумно смеясь. Старый патриций бьет его ножом в спину. Керея – в лицо. Смех Калигулы переходит в прерывистый хрип. Все бьют. Калигула, хрюкая и смеясь, кричит:

Калигула. Я еще жив!

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!